

ПИСЬМА К. М. МИЛОРАДОВИЧ К Э. Л. РАДЛОВУ (1907–1925)

(Публикация А. В. Вострикова)

Многообразная и плодотворная деятельность Эрнеста Львовича¹ Радлова (1854–1928) общеизвестна, однако основные сведения о нем аккумулированы в энциклопедических и словарных статьях и очерках (иногда достаточно развернутых). Понятно, что ни история отечественной философии,² ни литературы,³ ни библиотечного дела⁴ не могут обойти вниманием его вклада. Однако целостной работы, в которой личность Радлова была бы представлена во всей широте различных сфер его деятельности, в их взаимосвязи, пока еще не написано.

Публикуемые письма освещают малоизвестный эпизод из биографии Э. Л. Радлова и истории отечественной научной жизни – деятельность «радловского кружка» – группы молодых выпускниц-бескузовок, занимавшихся философией под его руководством и подготовивших под его редакцией первый перевод гегелевской «Феноменологии духа» на русский язык. При этом собственно организационная сторона дела (представляющая несомненный интерес) отступает на задний план по сравнению с развитием личностных отношений, назо-

¹ В официальных документах отчество писалось в немецком варианте: Леопольдович, но в повседневной жизни безусловно предпочтительней была русская форма. Ни в одном из просмотренных нами в процессе подготовки публикации писем Радлов не назван «Эрнестом Леопольдовичем».

² См.: Русская философия: Энциклопедия / Под ред. М. А. Маслина. М., 2007 (статья В. В. Ванчугова); *Алексеев П. В.* Философы России XIX–XX столетий: Биографии. Идеи. Труды. М., 2002. С. 797–798.

³ См.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 240–242 (статья Т. А. Кукушкиной).

⁴ См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 1: Императорская Публичная библиотека: 1795–1917. СПб., 1995. С. 433–439 (статья Ц. И. Грин); История библиотеки в биографиях ее директоров: 1795–2005 / Российская национальная библиотека. СПб., 2006. С. 212–241 (очерк И. А. Бычковой и Г. В. Михеевой).

вем ли мы их руководством, попечением или искренним человеческим участием.

Автор писем, К. М. Милорадович, в отличие от адресата, почти неизвестна не только широкой публике, но и специалистам, и, несомненно, нуждается в представлении.

Ксения Михайловна Милорадович принадлежала к старинному сербскому роду, малороссийская ветвь которого берет начало с переехавших в Россию по приглашению Петра I в начале XVIII в. братьев Михайлы и Гаврилы.⁵ Правнук первого Михаил Андреевич Милорадович был в 1813 г. произведен в графское достоинство, перешедшее впоследствии к его двоюродному племяннику Григорию Александровичу. Ксения Михайловна принадлежала к потомству Гаврилы (Гавриила Ильича), такому же многочисленному и славному воинскими заслугами, но не имевшему ярких сиятельных представителей. Ее дед Александр Михайлович Милорадович (1824–1877) погиб на Русско-турецкой войне.⁶ Его жена Анна Михайловна (урожд. Абаза; 1827–1863) и сын Михаил жили в Полтаве.

О их сыне Михаиле Александровиче Милорадовиче (1840–е–1908) известно очень мало. Первой его женой была певица Мария Константинович;⁷ видимо, он и сам был не чужд музыке.⁸ Брак оказался

⁵ См.: *Милорадович Г. А.* 1) О роде дворян и графа Милорадовичей. СПб., 1873; 2) Сказания о роде дворян и графов Милорадовичей. Киев, 1884–1894. Т. 1–2; см. также: *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т. 2. С. 56–67, 824; *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 513–546; биографические сведения о многочисленных представителях рода Милорадовичей, особенно относящиеся ко второй половине XIX в., к сожалению, в большинстве генеалогических источников противоречивы и неполны.

⁶ А. М. Милорадович при начале Сербско-турецкой войны в 1876 г. отправился добровольцем «на историческую родину», где был назначен командиром одной из русско-болгарских бригад в составе сербской армии с чином подполковника (другой бригадой командовал тоже российский подполковник Десперадович); добровольческие отряды были едва ли не самыми боеспособными подразделениями в сербской армии, и ее главнокомандующий генерал М. Г. Черняев ставил их на самые опасные участки; после поражения Сербии и заключения мира в феврале 1877 г. значительная часть русских добровольцев вернулась на родину, кроме неполной сотни, оставшейся в составе русско-болгарской бригады, которую полковник Милорадович вывел в Плоэшт и сдал командование (см.: *Огороков А. В.* Русские добровольцы. М., 2004. С. 41–42; *Петров А. А.* Добровольцы // *Родина*. 1998. № 5–6. С. 105). А. М. Милорадович, вероятно, присоединился к регулярной армии; обстоятельства его гибели неизвестны.

⁷ *Милорадович Мария Михайловна* (урожд. Константинович; 1846–не ранее 1913) – артистка оперы (сопрано) и музыкальный педагог; в 1870-е гг. М. М. Милорадович выступала в Киеве, Одессе, Харькове и Париже, затем преподавала в Московской

недолговечным, и супруги разошлись в 1876–1877 гг.;⁹ М. А. Милорадович пытался устроиться на службу в Петербурге, но безуспешно;¹⁰ в 1878–1880 гг. он был учителем музыки в Полтавском институте благородных девиц,¹¹ с 1889 г. он состоял членом правления, а с 1900 г. – товарищем управляющего Полтавского Общества взаимного кредита.¹² Чина он не имел и писался просто дворянином. В конце 1870-х или самом начале 1880-х гг. М. А. Милорадович женился на Надежде Александровне Ярошенко (ок. 1860–не ранее 1936).¹³ Надежда, как и три ее сестры, окончила Полтавский институт благородных девиц (в 1874 г.);¹⁴ в 1878 г. она была сестрой милосердия на театре военных действий, а вскоре по возвращении вышла замуж за М. А. Милорадовича. К этому времени ее отца уже не было в живых, у матери отношения с младшими дочерьми совершенно расстроились, а Надежду она «торжественно, “формальным и законным образом” (ее собственное выражение) предала страшному проклятью».¹⁵

консерватории и в Общедоступных музыкальных классах СПб. педагогического музея. См.: *Михайлова Т.* Виховання співаків у Київській консерваторії. Київ, 1970. С. 9; *Кузьмін М. І.* Забуті сторінки музичного життя Києва. Київ, 1972. С. 157–158; *Весь Петербург на 1913 г.* СПб., [1913]. Ч. 3. С. 414.

⁸ В письме к М. А. Балакиреву он пишет: «...в будущее же воскресенье приду непременно и принесу Вам романсику» (без даты; РО ИРЛИ, ф. 162, оп. 4, № 726, л. 6 (далее: *Милорадович М. А.*)).

⁹ Об этом упоминает М. А. Балакирев в письме к Милорадовичу от 14 янв. 1877 г. (РО ИРЛИ, ф. 162, оп. 3, № 53, л. 1 об.).

¹⁰ Ср. в письме М. А. Милорадовича к М. А. Балакиреву от 14 мая 1877 г.: «Живу изо дня в день в ожидании службы, которую мне обещали, но вот уже третий месяц водят меня от понедельника к четвергу, от четверга к понедельнику» (*Милорадович М. А.* Л. 3 об.).

¹¹ *Мазанов П. И.* Полтавский институт благородных девиц <...>. Полтава, 1899. С. 264 (далее: *Мазанов П. И.*).

¹² См. адрес-календари и справочные книжки Полтавской губ. (под разными заглавиями) за соответствующие годы.

¹³ Ее отец Александр Михайлович Ярошенко (1807–1876) в 1840 г. поступил на должность полицмейстера в Петровский Полтавский кадетский корпус, в 1865 г. вышел в отставку с чином генерал-майора (*Павловский И. Ф.* Исторический очерк Петровского Полтавского кадетского корпуса (1840–1890): по официальным данным. Полтава, 1890. С. 28); после этого он занял должность члена по хозяйственной части в Полтавском институте благородных девиц и оставался на ней до самой смерти (*Мазанов П. И.* С. 257). Мать – Любовь Васильевна (урожд. Мищенко; 1822–1890). В семье было шестеро детей: сыновья Николай (1846–1898), известный художник, и Василий (1848–после 1915), дочери Софья (в замуж. Савинкова; 1852–1923), Вера (в замуж. Купчинская), Надежда и Любовь.

¹⁴ *Мазанов П. И.* С. 182.

¹⁵ *Поленова И. В.* Ярошенко в Петербурге. Л., 1983. С. 65–66; см. также: *Секлицкий В. В.* Н. А. Ярошенко. Ставрополь, 1963. С. 103–105.

Ксения Михайловна Милорадович родилась 8 февр. 1882 г. в Полтаве; крещена была 1 апр. в полтавской Воскресенской церкви; крестным был полтавский городской голова А. М. Абаза – брат покойной бабушки по отцовской линии.¹⁶ Детство, видимо, было вполне обычным, по крайней мере ни о каких исключительных событиях или впечатлениях она ни разу не упоминает; зимой семья жила в Полтаве, на лето старались выехать «в деревню или на дачу», где любимым времяпрепровождением девочки было «бродить по окрестностям и размышлять о жизни и о людях».¹⁷ Иногда она гостила в Степановском, имении В. А. Ярошенко, дяди по материнской линии;¹⁸ там были химические лаборатории, обширная библиотека¹⁹ и интересное собра-

¹⁶ Копия свидетельства о рождении К. М. Милорадович, хранящаяся в ее личном деле сотрудницы Библиотеки Академии наук (СПбФ АРАН, ф. 4, оп. 4, № 771, л. 4 (далее: *К. М. Милорадович*. Личное дело. БАН)).

¹⁷ Письмо к И. А. Шляпкину, середина 1900-х гг. (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1803, л. 20–21 (далее: Письмо Милорадович К. М. Шляпкину)).

¹⁸ Имение Степановское (Степановское-на-Тече, Степановское-Павлищево, Павлищев Бор) находилось в Мещовском уезде Калужской губ. (теперь Юхновский р-н Калужской обл.), недалеко от села (и почт. ст.) Щелканово; принадлежало дворянам Степановым, после смерти П. В. Степанова в 1872 г. перешло к его дочери Елизавете Платоновне (1850–не ранее 1928), которая была с 1868 г. замужем за Н. П. Шлиттером, но с мужем не жила и, добившись развода, вторично вышла замуж (между 1876 и 1878 гг.) за В. А. Ярошенко. Семья, благодаря наследству жены, была очень состоятельной; помимо Степановского они владели двумя домами в Москве: построенными в XVII в. палатами стольника Е. И. Бутурлина, в XIX в. перестроенными в ночлежку (угол Подколокольного пер. и Хитровской пл.; именно ее посещали К. С. Станиславский, Вл. И. Немирович-Данченко и В. А. Симов в 1902 г., перед постановкой «На дне»), и особняком XVIII в. на Гончарной ул. (арх. М. Ф. Казаков), известным как «усадьба Т. И. Тутолмина», а также виллой в Бордигере (итальянская часть Лазурного берега, недалеко от французской границы). В Степановском в конце XIX в. по проекту В. А. Ярошенко был построен барский дом – двухэтажный дворец «по образцу итальянских вилл», с обилием колонн и балконов, разбит усадебный парк с липовыми аллеями, беседками, куртинами, спуском к реке и пр., устроен роскошный цветочный партер перед главным фасадом (см.: *Чекалов Ю. В.* Усадьба Ярошенко «Павлищев Бор». Калуга, 1999; *Кошевая Ю. Н.* История усадьбы Степановское-Павлищево (Павлищев Бор) // *Русская усадьба*. 2011. Вып. 16 (32). С. 374–389). В. А. Ярошенко (как и его брат Николай) болел туберкулезом, и в Степановское супруги приезжали только на летние месяцы, последний раз – в 1915 г. После революции в имении был дом отдыха, пионерский лагерь, лагерь военнопленных поляков, детский дом и туберкулезный санаторий.

¹⁹ В. А. Ярошенко был инженером-технологом, химиком и изобретателем. Его жена, в молодости посещавшая публичные лекции и курсы и даже проучившаяся несколько месяцев в Бернском университете, со временем стала вести все более уединенную жизнь. «Маленького роста, кроткая, тихая женщина, она забывала все невзгоды за чтением книг, проводя время большей частью лишь в обществе своей любимой

ние картин и других предметов искусства,²⁰ сюда съезжались многочисленные родственники, образуя компании по возрастам и интересам.²¹ Среди частых обитателей Степановского были двоюродный брат Ксении, всего тремя годами ее старше, Борис Савинков²² и даль-

кошки – Лильки» (*Прытков В. А.* Н. А. Ярошенко. М., 1960. С. 113, со ссылкой на рукопись П. И. Васильевой «Усадьба Степановское» и записи бесед с нею 1948 г.; о Е. П. Ярошенко см. также: *Любченко О. Н.* Повесть о старомодной любви. М., 1992 – документальный очерк, основанный на ее письмах к В. А. Ярошенко второй половины 1870-х гг.).

²⁰ После революции это собрание, в том числе работы Н. А. Ярошенко «Курсистка» (одна из двух сохранившихся авторских версий), «Извержение вулкана», портрет Е. П. Ярошенко («Портрет дамы с кошкой») и др., было передано в Калужский областной художественный музей.

²¹ Известен рассказ М. С. Волошиной (урожд. Заболоцкой), записанный М. А. Волошиным в 1920-е гг.; несмотря на неточности и преувеличения (иногда комичные), он очень выразительно характеризует образ жизни обитателей имения: «Степановское было дачное имение Калужской губернии. Там была масса цветов. На цветники тратили по 12–15 тысяч в год. Елизавета Платоновна привозила садовников из Италии, Франции... Там было много детей. Я была воспитанница Ярошенко. <...> Все было англоязычно. За каждым ребенком стоял за столом ливрейный лакей. Против дома был цветник. И все обнесено высокой стеной. По звонку спускались все в гостиную. И там ждали. Потом дворецкий докладывал Елизавете Платоновне, что “кушать подано”, и все переходили в столовую. Столовая была большая, двухсветная. <...> Столовая очень светлая желто-золотистая. Большие окна, и сверху еще ряд светлых окон. Окна выходили на широкий луг. Подъезд к дому занят японским газоном. Висели большие картины в золоченых рамах, несколько картин Ярошенко («Извержение Везувия») и еще одна картина, старинная, “Авраам приносит в жертву Исаака”. Потом шла гостиная. Там были тяжелые портьеры. Она почти всегда была темная. Потом малая светлая гостиная. Потом почти пустая комната, где стена, выкрашенная масляной краской. Там висел рисунок танцующих женщин, помпейских. И еще другая такая же – библиотека. Подоконники были мраморные, разных цветов – розовые, зеленые. А над этими комнатами, наверху, была комната Елизаветы Платоновны. Кушетка, на которой она жила. Спальня была совсем пустая. Потом химический кабинет Василия Александровича из двух комнат: одна очень большая, заставленная химической посудой, и другая, совсем маленькая. А потом к крыльям здания шли комнаты детей и моя комната. Еще для гостей был флигель. Сад спускался террасами к реке. Там на воде стоял домик “Арсенал”, где хранились лодки, водные лыжи, гоночные лодки и т. д. Вдоль реки шла липовая аллея, а потом ее пересекала кленовая – светлая, лучистая. А дальше начинался фруктовый сад. В нижней части были гроты, подземелья, пещеры» (*Волошина М. С.* О Максе, о Коктебеле, о себе. Воспоминания. Письма. Феодосия, М., 2003. С. 72–74. Далее: *Волошина М. С.*).

²² *Савинков Борис Викторович* (1879–1925) – один из лидеров партии социалистов-революционеров, руководитель ее Боевой организации; деятель Белого движения; писатель. О его поведении в Степановском: «А вся молодежь была – будущие террористы. Боря Савинков... Он, входя в столовую, подавал демонстративно всем лакеям руку. Это очень шокировало Е. П. Ярошенко» (*Волошина М. С.* С. 74).

няя родственница Маруся Беневская, его будущая соратница по Боевой организации партии социалистов-революционеров.²³ Однако Степановское вовсе не было гнездом революционеров. Савинков писал о своей «кузине»: «Мария Беневская, знакомая мне еще с детства, происходила из дворянской военной семьи. Румяная, высокая, со светлыми волосами и смеющимися голубыми глазами, она поражала своей жизнерадостностью и весельем. Но за этою беззаботною внешностью скрывалась сосредоточенная и глубоко совестливая натура. <...> Верующая христианка, не расставшаяся с евангелием, она каким-то неведомым и сложным путем пришла к утверждению насилия и к необходимости личного участия в терроре. Ее взгляды были ярко окрашены ее религиозным сознанием, и ее личная жизнь, отношение к товарищам по организации носили тот же характер христианской незлобивости и деятельной любви».²⁴ Эти слова отчасти перекликаются с той характеристикой, которую спустя десятилетия Беневская даст Милорадович: «Знаю Ксению Михайловну Милорадович с самого раннего детства. Характерной чертой ее внутреннего облика была глубокая жалость ко всему живому, с этим чувством она всегда боролась, иначе не могла бы жить».²⁵

Ксения Милорадович окончила Полтавскую Мариинскую женскую гимназию в 1900 г.; в VIII дополнительном (педагогическом) классе для специального изучения она избрала историю.²⁶ В 1900 или 1901 г. (точные сведения не указаны даже в аттестате) она поступила

²³ *Степанюк Мария Аркадьевна* (урожд. Беневская, по первому мужу Моисеенко; 1882–1942) – дочь генерала; получила хорошее образование (окончила женскую гимназию, училась в университетах в Галле и Берне, в СПб. женском медицинском институте); в 1905 г. была принята в эсеровскую Боевую организацию по рекомендации Савинкова как специалист по взрывным веществам; в 1906 г. в ее руках взорвался запал разряжаемой бомбы, она получила серьезные ранения (оторвана кисть левой руки, повреждены правая рука, лицо и грудь), после больницы была арестована и осуждена, приговорена к смертной казни, замененной по прошению отца каторжными работами; после революции вместе со вторым мужем и детьми жила в Петрограде/Ленинграде и на Украине; член Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев; умерла в блокаду.

²⁴ *Савинков Б. В.* Воспоминания террориста. Л., 1990. С. 190.

²⁵ *Степанюк (Беневская) М. А.* Ходатайство за К. М. Милорадович (19 апр. 1927 г.). Цит. по: Заклейменные властью: Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК–ОГПУ–НКВД – <http://pkk.memo.ru/page%202/search.html>. Далее: Заклейменные властью.

²⁶ Аттестат об окончании К. М. Милорадович VIII дополнительного класса Полтавской Мариинской гимназии (*К. М. Милорадович*. Личное дело. БАН. Л. 7–8).

на ист.-филол. отделение С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов, бывших в то время лучшим высшим учебным заведением для женщин в России. Программа преподавания здесь была ориентирована на университетскую, и преподавали, по большей части, те же профессора: историки С. Ф. Платонов и Э. Д. Гримм, М. И. Ростовцев и И. М. Гревс, историки литературы И. А. Шляпкин и Ф. А. Браун, В. В. Сиповский и Д. К. Петров, историк церкви Б. М. Мелиоранский, – мы называем только некоторые из имен тех, кто работал на ВЖК в первые годы века и чьи курсы слушала К. М. Милорадович. Лекции по всем предметам, входившим в философский цикл, читал проф. А. И. Введенский:²⁷ на первых двух курсах психологию и логику, на третьем и четвертом – историю философии. Практические занятия по психологии и логике вела Е. И. Максимова.²⁸ Лекции по педагогике, примыкавшей к философскому циклу, читал И. И. Лапшин²⁹ (название варьировалось; могло быть и «История педагогических учений в связи с психологией детского возраста»,³⁰ и «История педагогических теорий»³¹).

Во время учебы К. М. Милорадович и ее ближайшая подруга З. А. Ефимовская³² сблизилась с проф. И. А. Шляпкиным:³³ девушки

²⁷ *Введенский Александр Иванович* (1856–1925) – философ; проф. СПб. университета и ВЖК, один из основателей ПФО и его председатель на протяжении всего существования. Хронику жизни и обзор трудов см.: Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский. Иван Иванович Лапшин. М., 2013.

²⁸ *Максимова Екатерина Ивановна* (урожд. Сенская; 1857–1905) – выпускница ВЖК (1893); помощница библиотекаря ВЖК (1894–1897), вела практические занятия по психологии и логике на ВЖК с 1895 г.; переводчица с фр. и нем. яз. (самостоятельно выполнила или участвовала в переводах более 10 книг, в том числе «Истории древней философии» и «Истории новой философии» В. Виндельбанда, 1893, 1902–1905; в соавторстве; под ред. А. И. Введенского; «Критики новейших систем морали» А. Фулье, 1898, и др.). Здесь и далее сведения о выпускницах ВЖК сверены по спискам окончивших, опубликованным в изд.: Бестужевка в цифрах: к 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878–1918 гг.). СПб., 2008.

²⁹ *Лапшин Иван Иванович* (1870–1952) – философ; проф. СПб. университета и ВЖК, один из наиболее деятельных членов ПФО; в 1922 г. выслан из России; в эмиграции в Праге. См.: Неокантианство в России.

³⁰ Общество для доставления средств Высшим женским курсам за 1903–1904 г. СПб., [1905]. С. 75. Далее годовые тома этого изд. (1880–1906), а также изд.: С.-Петербургские Высшие женские курсы за...: [Отчет Общества для доставления средств и Отчет Совета профессоров]. СПб., [1907–1917] – Отчет ВЖК за...

³¹ Литогр. изд.: *Лапшин И. И.* История педагогических теорий. СПб., 1912.

³² *Ефимовская Зинаида Амвросиевна* (1882–1921) – выпускница ВЖК (1904; ист.-филол. отделение) и Археологического института (1909); участница «радловского

приезжали к нему в гости в его Белоостровскую усадьбу, где он показывал им раритеты своей легендарной книжной коллекции, древние рукописи и предметы старины; навещали его, когда он болел, привозили к нему «на экскурсию» своих друзей и, наоборот, устраивали для него торжественный обед в скромной василеостровской квартире; пытались организовать на курсах кружок или семинар, посвященный славянофилам.³⁴ В 1907 г. к ним иногда присоединялась Н. П. Кулаковская.³⁵ Милорадович подарила Шляпкину и свои поэтические опыты – несколько стихотворений и «Сказку» в 17 песнях, наивные и подражательные; Шляпкин сделал стилистический разбор (судя по

кружка) и перевода «Феноменологии духа». Перед началом Первой мировой войны вернулась в г. Елисаветград Херсонской губ. (теперь Кировоград, обл. центр Украины), где жили родители; пыталась устроиться на работу в учебные заведения Елисаветграда, Киева и других городов Украины; неоднократно приезжала в Петроград. Умерла в Петрограде в 1921 г. В архиве Э. Л. Радлова сохранилось 11 ее писем к нему за 1908–1915 гг. (РО ИРЛИ, ф. 252 оп. 2, № 546. Далее: *Ефимовская З. А.*).

³³ *Шляпкин Илья Александрович* (1858–1918) – филолог, палеограф; проф. СПб. университета, ВЖК, Археологического института и ряда других учебных заведений; библиофил (часть его книжного собрания была пожертвована в библиотеку ВЖК), коллекционер. С конца 1890-х гг. жил своем доме («усадьбе») в с. Александровка под Белоостровом СПб. губ.

³⁴ В архиве И. А. Шляпкина сохранилось 53 письма к нему от К. М. Милорадович за 1903–1918 г. (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1803 и 1804), 49 писем от З. А. Ефимовской за 1903–1916 гг. (Там же, № 1281 и 2467) и одно письмо от Н. П. Кулаковской (Муретовой) за 1906 г. (Там же, № 1597).

³⁵ *Муретова Наталия Платоновна* (урожд. Кулаковская; 1881–1919) – дочь давнего знакомого Э. Л. Радлова историка-слависта П. А. Кулаковского, племянница (по материнской линии) фольклориста и этнографа Всеволода Федоровича Миллера (1848–1913); жена Д. Д. Муретова (с лета 1908 г.); выпускница ВЖК (1904, физ.-мат. отделение по хим. разряду); участница «радловского кружка» и перевода «Феноменологии духа». Весной 1916 г. Д. Д. Муретов отвез семью на Украину, на хутор Вернигоровщина недалеко от большого села Ичня в Черниговской губ.; в это время у них было трое детей, а вскоре родился и четвертый. Весной 1918 г. Д. Д. Муретов вернулся с фронта и вскоре был застрелен неизвестными. Н. П. Муретова была убита неизвестными (предположительно красноармейцами) в августе 1919 г.; похоронена в д. Хаенки. Детей взяла на воспитание ее сестра, Евгения Платоновна Кулаковская. См.: *Шманкевич А.* Россия на переломе: два взгляда из детства // <http://urokiistorii.ru/node/239> (школьное конкурсное сочинение 2009 г., основанное на неопубликованных воспоминаниях и рассказах прабабушки автора Татьяны Дмитриевны Муретовой, старшей дочери Д. Д. и Н. П. Муретовых) (далее: *Шманкевич А.*). См. также: *Гузь Б. А.* О Василии Львовиче Величко и не только // <http://www.proza.ru/2012/05/13/984>. Далее: *Гузь Б. А.* О Василии...; *Гузь Б. А.* У могилы Василия Величко // <https://www.proza.ru/2012/09/08/940>. Далее: *Гузь Б. А.* У могилы... В архиве Э. Л. Радлова сохранилось 6 ее писем к нему за 1908–1910 гг. (РО ИРЛИ, ф. 252 оп. 2, № 825 и 1074. Далее: *Муретова Н. П.*).

подчеркиваниям) и после произведенной автором правки сохранил в архиве, пометив своей владельческой печатью.³⁶ С начала 1910-х гг. прилеты «мух» (как иронически называли себя Милорадович и Ефимовская) на «Белый Остров» становились все реже, а с началом войны практически прекратились.

Учеба К. М. Милорадович пришлось на время серьезных общественно-политических событий: Русско-японская война, революция 1905–1907 гг. Непокойно было и на курсах. Осенью 1903 г. было торжественно отпраздновано 25-летие ВЖК, а уже в начале 1904 г. на курсах начались волнения, сорвавшие нормальное течение занятий.³⁷ В 1905 г. занятия на курсах, как в других высших учебных заведениях, были прекращены в связи с революционными событиями и возобновились только в начале следующего года. Ксения Милорадович, видимо, была достаточно активна. В 1904 г. она первоначально присоединилась к подавляющему большинству протестующих, но по мере превращения противостояния в политическое примкнула к «академичкам», продолжавшим занятия.³⁸ М. А. Беневская (Степанюк) в цитированном выше ходатайстве упоминает об аресте Милорадович, имевшем место, видимо, в 1904–1905 гг.: «Помню ее курсисткой, хлопотушей о каких-то товарках, помню, как ее продержали полгода в тюрьме за нелегальную литературу, которую, не спросив ее разрешения, послали на ее адрес. Держали ее так долго только потому, что она наотрез отказалась назвать кого бы то ни было. И, боясь кому-нибудь причинить хоть малейшее беспокойство, никогда не сможет органически о ком говорить».³⁹

В 1906–1907 гг. Милорадович пережила недолгий период политической активности и даже выступала на заседании «Союза возрож-

³⁶ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 2, № 328 (стихотворения – 3 л.) и № 327 («Сказка» – 19 л.).

³⁷ В связи с началом Русско-японской войны по инициативе директора Н. П. Раева был составлен всеподданнейший адрес от имени профессоров и слушательниц ВЖК; текст адреса был опубликован в ряде газет и вызвал протест слушательниц, которые на сходке постановили выразить порицание директору и профессорам; за этим последовали бойкоты и срывы лекций, исключение зачинщиц и сдача билетов их товарищами из солидарности (см.: Отчет ВЖК за 1903–1904 г. С. 111; *Стриевская С. И.* Участие бестужевок в революционном движении // Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). 2-е изд. Л., 1979. С. 45–48).

³⁸ В архиве И. А. Шляпкина сохранился текст ее публичного заявления по этому поводу: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 2, № 64, л. 1.

³⁹ Заклейменные властью. Сведения могли быть преувеличены, исходя из цели ходатайства.

дения России» с докладом об А. И. Герцене.⁴⁰ Впоследствии она вспоминала об этом скорее с иронией,⁴¹ а к политической жизни, в особенности к политическим изменениям в стране, относилась с неприязнью, оставаясь в душе православной монархисткой.

В мае 1906 г. К. М. Милорадович окончила «полный четырехлетний курс наук по историко-филологическому отделению» и получила свидетельство об окончании ВЖК «за надлежащим подписанием и с приложением печати Курсов».⁴² В течение следующего учеб. года она была оставлена при курсах по кафедре философии,⁴³ однако никаких сведений о ее занятиях в это время в отчетах не напечатано. Первые педагогические опыты, предпринятые в 1906–1908 гг. (в Полтаве и Петербурге), оказались неудачными и выработали на оставшуюся жизнь нелюбовь к систематической преподавательской работе.

Еще во время учебы окончательно определились интересы К. М. Милорадович. 5 янв. 1905 г. она писала И. А. Шляпкину: «Я с детства всегда очень много думала, но развивалась медленно и с трудом, меня и сейчас всякая мысль долго мучит, раньше чем станет ясной и определенной. Поэтому, может быть, у меня так много нерешенного, и я в частности с каждым годом меняюсь, но, с другой стороны, я привыкла очень дорожить своими мыслями и постепенно из них у меня составилось (хотя, конечно, далеко еще не вполне) некоторое мировоззрение, которое с моим ростом до сих пор постоянно видоизменяется, но в котором есть нечто, кажется, твердое и неизменное – по крайней мере уже несколько лет оно не колеблется. Дело в том, что все это делает меня бесконечно счастливой; я могу иногда временно опуститься, расхандриться, но всегда чувствую осмысленность своей жизни. Конечно, для того чтобы быть счастливой и дальше, я должна жить сообразно с моими мыслями, и если я буду верить так, как верю до сих пор, то, что бы я ни делала после Курсов, будет ли у меня определенное дарование, или нет, – это для меня не очень важно, жизнь для меня не потеряет ни прелес-

⁴⁰ Впоследствии напечатан: *Милорадович К. М.* А. И. Герцен и покончен ли старый спор: [Доклад, прочитанный в заседании «Союза возрождения России» в С.-Петербурге] // *Мирный труд*. 1909. № 3. С. 172–195; № 4. С. 152–166; существует также в виде отд. отт. (Харьков, 1909). В журн. «Мирный труд» печатались авторы, принадлежавшие к различным православно-монархическим партиям и организациям; видимо, одной из таких был и «Союз возрождения России».

⁴¹ См.: Письмо Милорадович К. М. Шляпкину. № 1803. Л. 12–13, 20–21.

⁴² Копия свидетельства: *К. М. Милорадович*. Личное дело. БАН. Л. 4.

⁴³ Отчет ВЖК за 1906–1907 г. С. 97.

ти, ни смысла. Вот почему все это для меня очень важно, и показалось мне этим летом, что должна я проверить: устоит ли моя вера перед судом философии и т<ак> к<ак> очень она у меня не выработанная, не хватает ей ясности формулировки, то, может быть, другие люди, искавшие истины, помогут мне сделать ее счастливей и полнее. И мне кажется, что я не ошиблась. Я уже теперь знаю, что колебать главные основания моей веры, как и всякой веры, – философия бессильна; мне же она дает массу новых мыслей и аргументов, а остальные я пропускаю мимо ушей. Что из всего этого выйдет, я не знаю, но мне кажется, что я не колеблюсь и иду правильным путем. И я даже не знаю, каким бы путем иным я могла бы еще идти?». ⁴⁴ Спустя 17 лет она напишет об этом же Э. Л. Радлову: «Вся моя беда в том, что у меня есть моя истина, которая ростом гораздо больше меня самой. Я знаю, что если бы когда-нибудь мне удалось сказать ее во всей полноте, то это было бы что-то очень важное и значительное. Но я никогда этого не сумею. <...> Сказала я пока только первое положение <...>. Для того чтобы это было полно смысла, надо показать: как можно строить метафизику при помощи веры, т<ак> что знание тут будет играть служебную роль. Я буду мучиться, пока я этого не скажу, плохо ли, хорошо ли. Если бы я могла найти в мире очень даровитого человека, который взялся бы сказать мои мысли лучше меня, – я бы умолкла навеки и была бы счастлива» (см. ниже, письмо 60). Между этими двумя письмами почти два десятилетия напряженной умственной работы, попыток поверить философию верой, испытать веру философией, обрести язык. Отношения с бестужевскими преподавателями, видимо, не сложились. ⁴⁵ Определяющим, по-настоящему судьбоносным в этом отношении стало для К. М. Милорадович знакомство с Э. Л. Радловым.

⁴⁴ Письмо Милорадович К. М. Шляпкину. Л. 5–7.

⁴⁵ Отношение к А. И. Введенскому со стороны студентов и курсисток было по большей части восторженно-уважительным: «Корень же этого обаяния заключался главным образом во впечатлении глубинной правдивости и искренности, простоты и целостности, исходившей от Александра Ивановича. <...> он был педагогом-философом в лучшем смысле слова: человеком, которому дан был Богом чудесный дар – уметь “вести за собою” молодые души» (*Геллер И.* Профессор А. И. Введенский как философ-учитель // *Введенский А. И.* Статьи по философии. СПб., 1996. С. 212–213). А. М. Кононова (Милославская) в воспоминаниях «О моих далеких счастливых студенческих годах» писала: «Мы, бестужевки, и вполне справедливо, гордились нашим дорогим философом и ученым, каким был А. И. Введенский» (Наша дань Бестужевским курсам: Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж, 1971.

Собственно, о знакомстве как таковом ничего не известно. Из писем видно, что к концу 1907 г. сложилась регулярно работающая под руководством Э. Л. Радлова группа, называвшая себя «радловским кружком». В состав кружка входили Е. Д. Аменицкая,⁴⁶ Н. П. Аникиева,⁴⁷ З. А. Ефимовская, Н. П. Кулаковская и К. М. Милорадович. Занятия проходили дома у Радлова, один или два раза в неделю. Девушки выступали с докладами, тематика которых определялась, по-видимому, руководителем, но общий интерес к теме и желание потенциальной докладчицы имели существенное значение. Доклады могли быть рецензионными и реферативными. Иногда и сам Радлов брал на себя роль докладчика; так, в январе 1911 г. он прочитал свою статью о поэзии Хомякова⁴⁸ и после (видимо, краткого) обсуждения подарил присутствующим отдельные оттиски и попросил перечитать дома и высказать свое мнение, желательно – письменно.⁴⁹ В кружке не существовало никаких перспективных планов, не велось журналов или протоколов. Чтение докладов и обсуждение происходило в домашней обстановке (хотя о чае или чем-либо подобном ни разу не

С. 44). Таково же (хотя и менее эмоционально) отношение к нему и Е. Дьяконовой (*Дьяконова Е. А.* Дневник. 4-е изд. СПб., 1912. С. 268–270, 278). В то же время во всех этих воспоминаниях, при восхищении Введенским как лектором и личностью, чувствуется дистанция между студентами и профессором и его нежелание эту дистанцию сократить.

⁴⁶ *Аменицкая Екатерина Дмитриевна* (1878–1942) – родилась в Архангельске; выпускница ВЖК (1902, физ.-мат. отделение по хим. разряду); работала в школе при университете, в женской гимназии М. Н. Стоюниной и других учебных заведениях; в 1903 г. арестовывалась (возможно, за причастность к эсеровским организациям – в позднейшем письме упоминалось ее знакомство с Азефом), содержалась в заключении, была выслана из столицы; до начала 1905 г. жила в Киеве, занималась переводами, частными уроками; по возвращении в СПб. секретарь редакции ЖМНП в 1905–1908 гг.; участница «радловского кружка» и перевода «Феноменологии духа»; после революции заведовала 204-й Единой Трудовой советской («университетской») школой Василеостровского р-на (до 1924 г.), преподавала; умерла в Ленинграде во время блокады. В РО ИРЛИ хранятся около 130 ее писем к Э. Л. Радлову за 1902–1924 гг. (РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 38, 39 и 40. Далее: *Аменицкая Е. Д.*).

⁴⁷ *Аникиева Нина Петровна* – выпускница ВЖК (1903, ист.-филол. отделение, группа рус. филологии); преподавала в Василеостровской и Покровской женских гимназиях, Елизаветинском институте; участница «радловского кружка» и перевода «Феноменологии духа»; после революции преподавала в средней школе. В архиве Э. Л. Радлова сохранилось около 15 ее писем к нему (РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 55. Далее: *Аникиева Н. П.*).

⁴⁸ *Радлов Э. Л.* О поэзии А. С. Хомякова // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели: [Сб. статей]. СПб., 1911. С. 522–532.

⁴⁹ См.: *Ефимовская З. А.* Л. 11; *Аменицкая Е. Д.* № 40. Л. 16.

упоминалось). В позднейших письмах участницы кружка вспоминали не о заседаниях, а о разговорах, совместном философствовании за общим столом. В основе всего лежала очень искренняя, доверительная атмосфера, установившаяся едва ли не с первых встреч. Публикуемые письма (равно как и упомянутые письма других членов кружка) демонстрируют трогательное сочетание почти детского («институтского») обожания с крепнущими попытками настоящей «взрослой» дружбы.

Милорадович была своеобразной старостой кружка (по крайней мере в первые годы его существования), а согласование сроков заседаний было непростой задачей, причем загруженность иных участниц подчас не уступала занятости хозяина. Некоторые подолгу не могли участвовать в работе кружка. Часто болели Аникиева и Аменицкая; в 1908 г. вышла замуж Кулаковская, и вскоре домашние заботы, а потом и дети сделали для нее работу в кружке невозможной; в 1913 г. Ефимовская окончательно покинула Петербург (впрочем, во время своих приездов в столицу она иногда присоединялась к старой компании). Попыток ввести новые лица в кружок, кажется, не предпринималось. Заседания продолжались до весны 1916 г.⁵⁰

Летом 1908 г. умер М. А. Милорадович; семья лишилась постоянного источника доходов; ни накоплений, ни собственности они не имели. С Полтавой уже ничего не связывало, кроме воспоминаний, и Ксения окончательно перебралась в Петербург. К этому времени отношения с Радловым были уже достаточно доверительными, чтобы обратиться к нему с просьбой о помощи в поисках работы.⁵¹ Вопрос был решен самым непосредственным образом: с осени 1908 г. Ксения Милорадович была принята на работу в редакцию ЖМНП. Круг ее обязанностей был, как представляется, вполне неопределенным: она исполняла отдельные поручения по корректуре, редактуре, сношениям с авторами и типографией. Для молодой сотрудницы это стало не

⁵⁰ См.: *Аменицкая Е. Д.* № 40. Л. 87.

⁵¹ Отзывчивость Э. Л. Радлова, его готовность помочь в трудной ситуации были общеизвестны. Просмотренные нами письма пестрят многочисленными просьбами, то о выписке иностранных книг на имя редакции ЖМНП или свое личное (для обхода цензуры), то о присылке книг из домашней библиотеки; чаще всего обращались к нему за помощью в прискании работы как для себя, так и для знакомых или родственников. Судя по письмам, Радлов очень серьезно относился к просьбам подобного рода, находя, при всей своей загруженности, время переговорить или написать кому он считал нужным, или по крайней мере снабдить просителя своей карточкой с запиской. См. ниже письмо 42 и примеч. к нему.

столько заработком (хотя в тот момент это казалось главным), но в первую очередь школой редакционной работы. В дальнейшем, уже покинув ЖМНП, она регулярно пользовалась возможностью прирабатывать корректурой, а потом смогла осуществить и собственный редакторский проект.

В это же время Э. Л. Радлов стал активно привлекать К. М. Милорадович и к содержательной работе в журнале, в первую очередь рецензионной. По-видимому, эти задания (или по крайней мере часть их) сначала подготавливались как выступление на кружке и дорабатывались после обсуждения. Всего К. М. Милорадович подготовила для ЖМНП 7 публикаций, достойных полной подписи, – от текущих рецензий до самостоятельных оригинальных статей.⁵² Судя по письмам, Радлову приходилось не только руководить подготовкой необходимых для журнала материалов, но и сдерживать свою подопечную, «закрывающая» неудачные или неподготовленные (многократно упоминаемые в письмах). Еще одной очень важной школой дисциплины философского литературного труда стало для Милорадович ее участие в НЭСБЕ, философскую редакцию которого возглавил Э. Л. Радлов: написание словарных статей само по себе требует строгости и лаконичности; переработка или дополнение статей, написанных маститыми предшественниками (как, напр., Вл. Соловьевым) испытывает авторское самолюбие.⁵³

В 1911 г. Э. Л. Радлов предложил кружку подготовить перевод «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля. Опыт переводческой работы

⁵² Милорадович К. М. 1) Густав Ле Бон. Психология социализма. СПб., 1908: [Рец.] // ЖМНП. 1908. Ч. XVII. Окт. Отд. 2. С. 383–398; 2) Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909: [Рец.] // ЖМНП. 1909. Ч. XXII. Авг. Отд. 2. С. 423–434; 3) Вл. Н. Ивановский. Ассоциационизм психологический и гносеологический. Историко-критическое исследование. Ч. I. Казань, 1909: [Рец.] // ЖМНП. 1910. Ч. XXX. Нояб. Отд. 2. С. 213–216; 4) Н. О. Лосский. Введение в философию. Ч. 1-ая. Введение в теорию знания. СПб., 1911: [Рец.] // ЖМНП. 1912. Ч. XXXIX. Май. Отд. 2. С. 157–163; 5) Два учения о времени: Канта и Бергсона // ЖМНП. 1913. Ч. XLVII. Окт. Отд. 2. С. 323–329; 6) Условия возможности религиозной веры // ЖМНП. 1916. Ч. LXIV. Авг. Отд. 3. С. 190–200; 7) Суд и осуждение // ЖМНП. 1917. Ч. LXIX. Июнь. Отд. 3. С. 127–136.

⁵³ Выявление статей в НЭСБЕ, в подготовке которых принимала участие К. М. Милорадович, достаточно затруднительно и даже в случае полного просмотра словаря не даст полного результата. Некоторые из них подписаны полным именем, напр., об Альберте Великом (Т. 2. Стб. 162–167) или об А. И. Введенском (Т. 9. Стб. 752–758); другие – инициалами в различных вариантах (М.; К. М.; К. М-ъ): об Н. А. Бердяеве (Т. 6. Стб. 42–44), А. Бинэ (Т. 6. Стб. 647–648), Алексее И. Введенском (Т. 9. Стб. 752–758), В. Вундте (Т. 11. Стб. 932–935) и др.

из всех участниц имела только Е. Д. Аменицкая, да и то скорее в виде случайного заработка, а не серьезного научного труда.⁵⁴ Тем не менее молодые философы решительно принялись за дело. Текст был поделен на части; каждая из девушек выполняла перевод своего фрагмента самостоятельно. Сведение частей в единый текст, окончательную унификацию терминологии и редактуру выполняла в основном Е. Д. Аменицкая, отсылая последовательно готовые материалы Радлову для окончательной редакции. После этого она – уже в качестве «платного» работника – держала корректуру. Работа шла медленно, осложнялась постоянной пересылкой рукописей, гранок и корректурных листов между Аменицкой, Радловым и типографией, и затянулась до начала 1913 г.,⁵⁵ когда книга наконец вышла в свет.⁵⁶ В течение долгих лет этот перевод оставался единственным доступным на русском языке; в большинстве библиографических источников указано только имя редактора перевода.⁵⁷

В 1912 г. в издательстве «Образование» начали выходить сборники «Новые идеи в философии». Опыт работы с «Феноменологией духа» и рекомендация Э. Л. Радлова (соредатора сборников, вместе с Н. О. Лосским) помогли Милорадович получить заказ на перевод статей П. Наторпа, Э. Гартмана и Ф. Брентано.⁵⁸

В 1910-е гг., несмотря на продолжающиеся занятия кружка и укрепившуюся идейную и личную привязанность к Э. Л. Радлову, Милорадович все сильнее стала ощущать ограниченность круга своего научного общения. Члены кружка регулярно посещали публичные

⁵⁴ Ср. в ее письме из Киева от 2 дек. 1903 г.: «...я еще хожу переводить немецкие медицинские книги к одному доктору, которого, на мое счастье, Господь Бог не умудрил немецким языком» (*Аменицкая Е. Д.* № 39. Л. 24).

⁵⁵ Подробнее см. ниже письмо 34 и след., и примеч.

⁵⁶ *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа / Пер. <Е. Д. Аменицкой, Н. П. Аникиевой, З. А. Ефимовской, К. М. Милорадович и Н. П. Муретовой (Кулаковской)> под ред. Э. Л. Радлова. СПб.: тип. АО «Брокгауз–Ефрон», 1913. (Труды Санкт-Петербургского философского общества; Вып. 8). С. V–XXXV: вступ. статья «Г. Гегель (1770–1831 г.) и его произведение “Феноменология Духа”» Е. Д. Аменицкой.

⁵⁷ Более того, иногда Э. Л. Радлов указывается как единоличный переводчик. См., напр.: *Азарова Н. М.* Переводы «Феноменологии духа» Гегеля и язык русских философских текстов XX века // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. № 6. Т. 67. С. 46–53.

⁵⁸ *Наторп П.* Кант и марбургская школа / Пер. К. М. Милорадович // Новые идеи в философии: Сб. 5. Теория познания. 2. СПб., 1913. С. 64–93; *Гартман Э.* К понятию бессознательного / Пер. К. М. Милорадович // Новые идеи в философии: Сб. 15. Бессознательное. СПб., 1914. С. 1–23; *Брентано Ф.* О внутреннем сознании / Пер. К. М. Милорадович // Там же. С. 24–48.

доклады в С.-Петербургском философском обществе, однако ни деятельно участвовать в обсуждении, ни тем более претендовать на внимание к собственным работам они не могли. В таком же (но для них гораздо более обидном) положении оказались и некоторые молодые философы. Позднее К. М. Милорадович так писала о том, что до войны общий характер заседаний «носил на себе печать классической немецкой философии. Тут царили Кант да еще, пожалуй, Гегель и отчасти Фихте. Может быть, в этом сказывалось строго кантианское направление председателя А. И. Введенского, налагавшего свою печать на руководимое им Общество. Новейшая философия была несколько в загоне, так что вернувшиеся из-за границы за несколько лет до войны молодые философы <...> даже почувствовали одно время надобность в создании своего особого “молодого” философского общества, где бы не чувствовалось немного высокомерного отношения “классиков” к новаторам. Впрочем, сказанного не надо понимать в абсолютном смысле. Твердой стены между теми и другими не было никогда».⁵⁹ К. М. Милорадович была знакома с молодыми философами, членами ПФО или же, как она, еще только помышлявшими о присоединении к нему. Среди них в первую очередь нужно назвать Д. Д. Муретова,⁶⁰ мужа подруги по кружку,

⁵⁹ Милорадович К. М. Петербургское Философское Общество // СПбФ АРАН, р. IV, оп. 1, № 875, л. 12 (далее: Милорадович К. М. ПФО). Данный текст на 16 л. представляет собой черновик подготовленного, видимо, по просьбе Э. Л. Радлова материала к 25-летию ПФО; рукопись не датирована, но по косвенным признакам можно установить, что написана она была в мае–июле 1922 г., перед самым началом репрессий в отношении петербургских философов (из-за чего, вероятно, работа над ней и не была окончена). Текст, составленный отчасти по предоставленным (видимо, Э. Л. Радловым) материалам, отчасти по личным воспоминаниям, представляет собой чрезвычайно интересный документ, важный для понимания истории петербургской философской жизни; надеемся, что он будет опубликован в ближайшее время.

⁶⁰ Муретов Дмитрий Дмитриевич (?–1918) – философ, публицист; преподавал историю в средних учебных заведениях, сотрудничал в периодических изданиях («Русская мысль», «Новое время»); с 1908 г. муж Н. П. Муретовой (урожд. Кулаковской). В армию не был призван по близорукости, служил во Всероссийском союзе земств и городов («Земгор»); в 1917 г. находился на Румынском фронте. В архиве Э. Л. Радлова сохранилась румынская открытка с видом г. Бырлад: «Пользуясь небольшим досугом, оказавшимся вследствие переезда в новое место, где нет еще подготовленного для ежедневных занятий помещения, шлю Вам, а также участникам “Радловского кружка”, привет и добрые пожелания» (РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 1073, л. 3). Весной 1918 г. Д. Д. Муретов вернулся с фронта на хутор Вернигоровщина в Черниговской губ. и вскоре был застрелен неизвестными. См.: Шманкевич А.; Гузь Б. О Василии...; Гузь Б. У могилы...

и И. Б. Селихановича.⁶¹ В 1913 г. К. М. Милорадович и Е. Д. Аменицкая задумали создание собственного «издательства» под названием «Цельное Знание» (по подсказке Э. Л. Радлова), к работе в котором хотели привлечь близких по духу молодых философов.⁶² Первый

⁶¹ *Селиханович Иосиф Брониславович* (1881—не ранее 1952) — философ, педагог, историк педагогики; учился в Московском университете у С. Н. Трубецкого и П. Г. Виноградова, затем в СПб. университете у Г. В. Форстена и А. И. Введенского, в 1911 г. оставлен при кафедре философии. Н. П. Анциферов, которому Селиханович помогал готовиться к выпускному гимназическому экзамену весной 1908 г., писал: «Меня репетировал Иосиф Брониславович Селиханович, с которым мы познакомились в Крыму. Его живой критический ум, обширные познания увлекли меня, и я с нетерпением ждал его прихода». Летом Селиханович присоединился к дружеской компании, с которой вместе с Анциферовым совершил поездку в Норвегию, а осенью они снова встретились в СПб.: «Мы поселились в двух комнатах на углу Большого проспекта Петербургской стороны и Введенской улицы (точнее Гулярной). К нам в третью комнату переехал И. Б. Селиханович. С усердием я принялся за уроки. <...> День я часто заканчивал одинокой прогулкой по городу перед сном. Иногда со мной бродил Селиханович. <...> Так как у меня начались бессонницы, я перед сном систематически подолгу гулял, обычно с Селихановичем, беседа с которым мне всегда была ценна. Мы во многом не сходились, однако его “реализм” был в той же мере приемлемым для меня, как для него мой “романтизм”. Мы любили забираться на окраины Петербургской стороны, в места, излюбленные Блоком». Примечателен разговор об одежде, записанный Н. П. Анциферовым: «Я получил от Тани (будущей жены автора. — А. В.) известие, что она с тетей Лидой будет в Петербурге в конце ноября. Тут же она сообщила, что тетя Лида ее “одела по своему вкусу”. Это добавление взволновало меня. Костюм — часть человека. Ложный костюм может исказить его облик. Я сказал Селихановичу о своей тревоге. Он улыбнулся, как мне показалось, насмешливо: “Теперь очень много курсисток хорошо, по моде одетых”. Это не было утешением. В их числе нет места моей Тане» (*Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М., 1992, по указ. Далее: *Анциферов Н. П.*). В архиве Э. Л. Радлова сохранились два письма к нему от И. Б. Селихановича, написанные в мае 1911 г., в которых он сообщает об отправке статей для 4-го т. НЭСБЕ и извиняется за то, что не сможет работать дальше: «Я чувствую себя так плохо физически, что ничего нужного выжать из себя не могу. По-видимому, я переутомился к весне, и непрерывная военная служба с постоянной ходьбой и верховой ездой не дали возможности отдохнуть; последнюю неделю я совсем расхворался»; обратный адрес: «Луга, Сергиевский полигон, Управление 37-й артиллерийской бригады, прапорщику И. Б. С.» (РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 1391, л. 1, 2). Во время Первой мировой войны служил в армии. В мае 1916 г. подпоручик 84-й артиллерийской бригады И. Б. Селиханович был награжден Георгиевским оружием (Высочайший приказ от 24.05.1916 — РГВИА, ф. 408, оп. 1, д. 3131, л. 15 об.). В начале 1920-х гг. уехал на Украину; занимался историей педагогики, был сотрудником Научно-исследовательской кафедры педологии при Всеукраинской Академии наук (СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, № 609, л. 31 (Анкета КУИНС); Наука и научные работники СССР. Ч. VI: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Л., 1928. С. 371).

⁶² См. ниже письмо 38 и примеч. к нему.

сборник вышел в 1915 г.⁶³ На обороте титульного листа было напечатано: «Сборники “Цельное Знание” будут выходить неперiodически при ближайшем участии Э. Л. Радлова. Составление и редактирование сборников приняли на себя Е. Д. Аменицкая, К. М. Милорадович, Д. Д. Муретов и И. Б. Селиханович. В непродолжительном времени выйдет: Второй Сборник, под редакцией Е. Д. Аменицкой». К сожалению, эти планы не осуществились.

Однако философские занятия, какими бы интенсивными они ни были, не могли доставить достаточно средств для существования. Работа в редакции ЖМНП продлилась один год, после чего с осени 1909 г. К. М. Милорадович была принята в библиотеку ВЖК письмоводительницей,⁶⁴ через два года стала помощницей библиотекаря.⁶⁵ Работа в библиотеке ВЖК была во многих отношениях очень удобной: привычная обстановка, родные стены, насыщенная научная и культурная жизнь, своеобразный «бестужевский» дух. В эти годы библиотекой заведовали (от Комитета Общества для доставления средств ВЖК) Е. П. Султанова,⁶⁶ бар. В. И. Икскуль-фон-Гильденбандт⁶⁷ и С. А. Кареева⁶⁸ и профессора И. М. Гревс и М. И. Ростовцев; знакомство с первыми и продолжение, уже на новом уровне, работы со вторыми было и приятным и полезным. Полновластной хозяйкой в самой библиотеке

⁶³ Современные течения религиозно-философской мысли во Франции: <сборник переводов / под ред. и со вступ. статьей К. М. Милорадович>. Пг.: Тип. Н. П. Зандман, 1915. (Цельное знание; сб. 1). Содерж.: От редакции; Главные течения религиозно-философской мысли в современной Франции / К. Милорадович; Критическая теория религиозного познания / Сабатье; пер. Н. Муретова; Как следует ставить проблему Бога / Леруа; пер. А. Кузнецова; Энциклика Папы Пия X против модернистов (Pascendi Dominici gregis) / пер. Д. Муретов и И. Селиханович; Библиография важнейших произведений по религиозной философии во Франции, появившихся в течение последнего десятилетия.

⁶⁴ Отчет ВЖК за 1909–1910 г. С. 87. Эта должность не существовала ни до, ни после этого; вероятно, это было формой неполной ставки с ограничением круга обязанностей.

⁶⁵ Отчет ВЖК за 1911–1912 г. С. 24.

⁶⁶ Султанова Екатерина Павловна (урожд. Леткова; 1856–1937) – писательница (под псевд. Ек. Леткова), переводчица, обществ. деятельница; член Комитета Общества для доставления средств ВЖК; участвовала в заведовании библиотекой с 1892 г.

⁶⁷ Икскуль-фон-Гильденбандт Варвара Ивановна (урожд. Лутковская, в первом браке Глинка; 1850–1928) – обществ. деятельница, хозяйка литературного салона; член Комитета Общества для доставления средств ВЖК; участвовала в заведовании библиотекой с 1894 г.; с 1922 г. в эмиграции во Франции.

⁶⁸ Кареева Софья Андреевна (1863–1926) – обществ. деятельница; жена историка Н. И. Кареева; член Комитета Общества для доставления средств ВЖК; участвовала в заведовании библиотекой с 1900 г.

была Е. В. Балобанова, бестужевка первого набора, принявшая в 1882 г. подборку брошюр и организовавшая прекрасно действующую современную фундаментальную библиотеку с 50-тысячным книжным фондом.⁶⁹ Штат состоял в 1911 г. из библиотекаря, 6 помощниц и 2 служителей; вознаграждение библиотекаря составляло 1200, помощниц – от 400 до 800 (в зависимости от занятости) рублей в год. Отношения были почти семейные, не идиллические, с естественными конфликтами личностей и поколений,⁷⁰ но с безусловным уважением к интересам и занятиям друг друга. Более чем скромное вознаграждение компенсировалось предоставлением возможностей для дополнительного заработка. В одном из писем Е. В. Балобанова перечислила льготы, которыми пользовались ее помощницы: «...Милорадович <...> сидит в библиотеке все 6 ч., но от 2 и до 4-х, дежуря в лектории, вместо писания наших карточек, как делают другие, – строчит рецензии в Журнал М. Н. Пр. и этим прирабатывает руб. 20–25 – на 40 руб. ведь не прожить».⁷¹

Осенью 1914 г. на ВЖК был открыт лазарет для раненых, и К. М. Милорадович с энтузиазмом приняла участие в его деятельности (см. ниже письмо 46 и примеч. к нему); со временем это захватило ее целиком; вероятно, в конце 1916–начале 1917 г. она вступила сестрой милосердия в отряд Красного Креста и покинула Петроград;⁷² с лета

⁶⁹ Балобанова Екатерина Вячеславовна (1846 или 1847–1927) – филолог, литератор, библиотечный деятель; окончила Нижегородский Марининский институт благородных девиц, увлеклась кельтской историей и фольклором, слушала лекции в Гейдельберге, Геттингене и Париже, выпускница ВЖК (1882), ученица акад. А. Н. Веселовского; автор первого полного прозаического перевода Оссиановских поэм Дж. Макферсона на рус. яз. (1890); окончила курсы теоретического и практического библиотековедения при Геттингенском университете, библиотекарь СПб. ВЖК, а затем СПб. университета в 1882–1925 гг., автор первого на рус. яз. специального пособия по библиотечному делу (1901); автор более десятка книг: путевых записок, обработок бретонских, шотландских и пр. народных легенд, воспоминаний. Подробнее о ней см.: Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: Труды, документы, воспоминания / сост., авт. ст. и коммент. А. В. Востриков. СПб., 2014 (далее: *Екатерина Балобанова*); см. также: Библиотека Бестужевских курсов: Историческая хроника в свидетельствах и документах / сост. А. В. Востриков. СПб., 2009.

⁷⁰ Ср.: «Я на днях поссорилась с Балобановой со всей свойственной мне свирепостью, <...> мы с Балобановой теперь уже до гроба не можем сидеть за одним столом...» (Письмо Милорадович К. М. Шляпкину. № 1804. Л. 53).

⁷¹ *Екатерина Балобанова*. С. 53.

⁷² Подробности деятельности К. М. Милорадович в качестве сестры милосердия неизвестны; ни в одной позднейшей анкете она об этом не упоминает; единственным источником сведений на настоящий момент являются публикуемые письма. В принятии этого решения, вероятно, сыграл роль пример матери, бывшей сестрой милосердия

и до самого конца 1917 г. была в действующей армии, на Румынском фронте. В январе 1918 г. К. М. Милорадович вернулась в Петроград.

В 1918–1919 гг. ВЖК были присоединены к Петроградскому университету; библиотека ВЖК вошла в университетскую на правах Первого филиального отделения («б. библиотека Бестужевских курсов»); заведующей этим отделением стала К. М. Милорадович.⁷³ Интенсивно шла и творческая работа: она подготовила и отпечатала отдельной брошюрой задуманную еще на фронте политическую статью,⁷⁴ написала две книги, купленные З. И. Гржебиным,⁷⁵ переводила,

в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Возможно также влияние В. И. Икскуль-фон-Гильденбандт, председательницы Правления Кауфмановской общины Красного Креста и одновременно члена Комитета Общества для доставления средств ВЖК, участвовавшей в заведовании библиотекой; В. И. Икскуль по материнской линии принадлежала к сербскому роду Штеричей, переехавших в Россию вместе с Милорадовичами.

⁷³ Библиотечная деятельность К. М. Милорадович может быть темой отдельного исследования; здесь отметим только, что и поддержание автономии библиотеки (включая самостоятельное комплектование), и сохранение поступивших в это время книжных коллекций происходило при ее непосредственном участии; о ее роли в формировании философского отдела в 1910-е гг. см.: *Востриков А. В.* Вильгельм Виндельбанд как жертвователь библиотеки Бестужевских курсов, или История одного перевода // *Материалы научно-практических чтений «...По утрам я читал, упражнялся в переводах...» («Библиотека в усадьбе»)*. Сельцо Михайловское, 2016. (Серия «Михайловская Пушкиниана»; вып. 67). С. 180–191.

⁷⁴ *Милорадович К. М.* Черная критика: (о к.-д-тах и о большевиках). Пг., 1918. Впоследствии эта книжка была использована в уголовных делах против К. М. Милорадович. 16 сент. 1927 г. ее мать, Н. А. Милорадович, писала помощнику Е. П. Пешковой М. Л. Винаверу: «Брошюрка же, ставящая ей в вину, – за давностью лет – потеряла всякое значение. А тогда, в 18 году, была еще борьба, писали многие более сильно, как, напр<имер>, Горький. Что тогда это не ставилось в вину – доказывает эта самая брошюра, напечатанная совершенно легально, с именем на обложке» (Заклейменные властью). 1 нояб. 1936 г. сама К. М. Милорадович писала Е. П. Пешковой: «...суд только на основании факта нахождения у меня моей старой брошюры “Черная критика”, напечатанной в 1918 г. и давно известной Ленинградскому НКВД, а также на основании рукописной сказки, написанной также очень давно (еще старой орфографией) и которой можно придать к<онтр>р<еволюционное> толкование – нашел возможным приговорить меня к 6 годам лишения свободы и 5 г. поражения в правах, т. е. к 11-летнему наказанию» (Там же).

⁷⁵ *Гржебин Зиновий Исаевич* (1877–1929) – художник, график, издатель, один из создателей и владельцев издательства «Шиповник»; в 1919 г. при поддержке М. Горького открыл «Издательство З. И. Гржебина», активно скупал готовые рукописи и заключал договора с авторами; большинство запланированных изданий так и не увидело свет; в 1923 г. издательство прекратило существование. Согласно анкете, заполненной К. М. Милорадович в 1923 г., в 1920–1921 гг. ею были написаны «учебник Психологии и книжка “Что такое наука” – и то и другое куплено у меня издательством Гржебина» (СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, № 472, л. 103–103 об. Далее:

установила связи не только с образованной философской секцией Исторического научно-исследовательского института при ФОНе;⁷⁶ приняла участие в Философском кружке при Петроградском университете.⁷⁷ В феврале 1921 г. возобновило свою деятельность ПФО, и К. М. Милорадович стала полноправным членом;⁷⁸ 22 янв. 1922 г. она выступила с докладом «Следует ли стремиться к метафизическому знанию»;⁷⁹ доклад лег в основу статьи.⁸⁰

Высылка осенью 1922 г. «антисоветской интеллигенции» из страны, последовавшие за ней роспуск ПФО и закрытие «Мысли» и целого ряда других изданий и издательств остановили развитие отечественной философии в прежнем виде. Власти не тронули ни тяжело больного Введенского, ни укrywшегося в Публичной библиотеке Радлова, но они в одиночку не представляли собой реальной научной или общественной силы. А Милорадович осталась одна на один со своей философией. Еще в самом начале 1920-х она писала: «...друзья умирают, а кто остается, тот разлюбивает» (см. ниже письмо 59). Погибли Н. П. и Д. Д. Муретовы (мы не знаем, было ли это известно в Петрограде), умерла З. А. Ефимовская, И. Б. Селиханович уехал на Украину, с Н. П. Аникиевой, кажется, никогда и не было особенно близкой связи; с Е. Д. Аменицкой, видимо, тоже разошлись. Не стало «радловского кружка». И встречи и письма к Радлову практически прекратились. Философствовать, как в прежние времена, как будто ничего и не бывало, они не могли, а к тому, чтобы пойти на что-то большее, на серьезную конспирацию, были явно неспособны. Фраза К. М. Милорадович из письма к И. А. Шляпкину, написанного 27 янв.

Милорадович К. М. Анкета). Найти свидетельства выхода этих книг из печати нам не удалось.

⁷⁶ «...<состою> научной сотрудницей Философской секции исторического исследовательского института при Университете» (*Милорадович К. М.* Анкета. Л. 103). Факультеты обществ. наук были созданы весной 1919 г. вместо ликвидированных юридических и историко-филологических. После 1924 г. повсеместно закрыты или преобразованы. Исторический научно-исследовательский институт при ФОНе Петроградского университета образован в августе 1921 г.

⁷⁷ Кружок был учрежден в феврале 1921 г. 15 дек. 1921 г. К. М. Милорадович прочитала там доклад «Мистика материализма». См.: Мысль. 1922. № 3. С. 189–190.

⁷⁸ См.: *Милорадович К. М.* ПФО. Л. 11.

⁷⁹ См.: Мысль. 1922. № 2. С. 157

⁸⁰ *Милорадович К. М.* Роль метафизики в философии // Мысль. 1922. № 2. С. 58–67.

1918 г.: «...мне гораздо больше нравится страдательное положение», – оказалась пророческой.

В ноябре 1925 г. К. М. Милорадович перешла на работу в Библиотеку Академии наук на должность помощника библиотекаря.⁸¹ В янв. 1927 г. она была арестована и провела около 3 месяцев в заключении; в рапорте на имя директора БАН С. Ф. Платонова Милорадович (после освобождения) так объясняла произошедшее: «Арест этот был вызван организованными мною занятиями для 7ми подростков, с целью подготовить их к поступлению в вуз. Не считая этих занятий предосудительными, я нисколько не скрывала их существования, хотя по оплошности и не зарегистрировала их в ГУБОНО, как это, оказывается, требуется по закону. Когда сведения о них дошли до властей, то на участников занятий пало подозрение в антисоветском направлении преподавания и в попытке создать подпольную школу».⁸² Она была восстановлена на работе (и даже получила заработную плату за время отсутствия), однако вскоре все-таки последовал приговор, согласно которому К. М. Милорадович была выслана в г. Саратов на три года.⁸³ В 1930 г. она вернулась в Ленинград, работала библиографом в Публичной библиотеке. В марте 1935 г. выслана в Куйбышев на 5 лет, вскоре переведена на станцию Зубчаниновка Самаро-Златоустовской железной дороги; в апреле 1936 г. арестована как «руководитель контрреволюционной группировки ленинградцев», приговорена к 6 годам лагерей с поражением в правах на 5 лет и отправлена в тюрьму г. Ардатов.⁸⁴ О дальнейшей судьбе К. М. Милорадович ничего не известно.

В протоколе обыска, произведенного при аресте 24 янв. 1927 г., было записано: «Изъято <...> следующее: разная переписка: записки и очерки личных трудов гр-ки К. М. Милорадович, часть писем была найдена и изъята из печки».⁸⁵ Почти через 10 лет, 1 нояб. 1936 г., К. М. Милорадович писала Е. П. Пешковой: «...главный интерес моей жизни заключается в философской литературной работе, и у меня при

⁸¹ К. М. Милорадович. Личное дело. БАН. Л. 1, 3. Причины, по которым К. М. Милорадович покинула «бестужевскую» библиотеку, неизвестны. Одновременно с ней была уволена Е. В. Балобанова, тяжело больная и полуослепшая, без пенсии.

⁸² К. М. Милорадович. Личное дело. БАН. Л. 17.

⁸³ Заклейменные властью. См. также: «Дело А. А. Мейера» / Публ., подгот. текста, вступ. заметка и примеч. И. А. Флиге и А. Ю. Даниэля // Звезда. 2006. № 11. С. 202.

⁸⁴ Заклейменные властью.

⁸⁵ К. М. Милорадович. Личное дело. БАН. Л. 13.

обыске был отобран ворох бумаг, никакого отношения к политике не имеющих. Между ними я особенно дорожу старыми философскими работами, а также последней, написанной на пишущей машинке в 2-х экз. <...> Взято было и многое другое, напр., рассказы мемуарного характера». ⁸⁶ О судьбе этих материалов ничего не известно. Обнаружение их, возможно, позволит более основательно судить об оригинальности и масштабе Ксении Милорадович как философа. Публикуемая переписка предъявляет становление ее личности в постоянном общении с Э. Л. Радловым – становление в живой жизни, которая всегда для нее была больше чем просто философия.

Письма К. М. Милорадович хранятся в фонде Э. Л. Радлова (РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 1028). Все письма написаны по дореформенной орфографии (включая написанные после 1917 г.). Орфография и пунктуация приведены к современной норме. Подчеркивания и сокращения в тексте принадлежат авторам; зачеркнутые авторами фрагменты мы даем в квадратных скобках. За исключением оговоренных случаев, письма датируются по содержанию. Даты до 1918 г. приводятся по старому стилю, после – по новому.

Публикатор выражает глубочайшую признательность Николаю Ивановичу Николаеву, без постоянной поддержки и советов которого материал не был бы подготовлен.

Принятые в комментариях сокращения:

ВЖК – С.-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

НЭСБЕ – Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. К. К. Арсеньева. СПб.–Пг.: Изд-во Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1911–1916. Т. 1–29.

ПФО – Философское общество при С.-Петербургском университете.

ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Изд-во Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1890–1907. Т. 1–82, 1–4 доп.

⁸⁶ Заклейменные властью.

1

1907–1909 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

решаюсь послать Вам свою статью «о творчестве», над которой я довольно долго работала, с большой просьбой ее прочитать. Для меня было бы громадной радостью видеть ее напечатанной в «Журн. Мин. нар. просв.» (разумеется, без фамилии), но, может быть, я прошу о невозможном. Я ничуть не буду удивлена, если эта статья окажется не только недостойной печати, но даже может служить ярким доказательством моей полной неподготовленности и неспособности к подобного рода работе. Для того чтобы облегчить Вам, может быть, неприятную необходимость отказать мне в моей просьбе, прибавляю, что у меня вовсе нет авторского самолюбия, т<ак> что мне будет жаль потраченного времени и, может быть, ложно направленного труда, но обидно не будет. Пожалуйста, простите мне мою смелость и новое покушение на Ваше время.

К. Милорадович.

Мой адрес: Вас<ильевский> Остр<ов>, Средний просп., д. 11, кв. 16.

2

1907–1911 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

я Вам пишу для того, чтобы Вы, Боже сохрани, не подумали, что я могла сколько-нибудь на Вас рассердиться. За что же? Я ведь прекрасно понимаю, что есть вещи невозможные и положение редактора ответственное. Я Вам глубоко благодарна за Ваше такое радушное руководство в наших занятиях, которые для себя лично считаю очень полезными.

Сердечно желаю Вам здоровья и всего хорошего.

Искренно уважающая Вас

К. Милорадович.

3

1907–1909 г. С.-Петербург

Мне хочется еще раз горячо поблагодарить Вас, многоуважаемый Эрнест Львович, потому что Вы сами не знаете, как Вы ободрили меня. В первый раз я буду работать с уверенностью, что я не делаю глупости. У меня такое доверие к Вам и к Вашему суждению, что уже по одному этому мне Вас никто заменить не может. Будьте же добры, как были до сих пор, и не ищите для меня других руководителей.

К. Милорадович.

4

1907–1909 г. С.-Петербург

Многоуважаемый и дорогой Эрнест Львович, мне кажется, Вы очень заняты это время, а потому лучше не беспокоить Вас лично, а просто послать Вам мою вторую статью – что я и делаю.

Вы меня испугали в прошлый раз, сказав, что журнал так завален материалами. Мне показалось, что Вам не очень удобно поместить подряд несколько моих статей. А между тем мне это сейчас ужасно, ужасно важно.

Вы знаете, обыкновенно я не стремлюсь печататься и нисколько не дорожу помещением своих статей. Но сейчас мне показалось, что я ухватила за хвост какой-то кусочек истины и спешу ее удержать, пока она от меня не убежала. Только напечатав, я могу проверить ее. Если Вы сейчас мне в этом не поможете, я знаю, что никогда больше меня не хватит на то, чтобы попробовать. Только к Вам одному я и могу обратиться с такой просьбой, т<ак> к<ак> я не в состоянии добиваться помещения своих статей. Их должно быть штуки 4 и все коротенькие. Я готова их сколько угодно раз переделывать по Вашим указаниям. Кое с чем Вы не будете согласны, но это ничего. Да и разногласие заключается больше в словоупотреблении.

Пожалуйста, Эрнест Львович!!!

Мне хочется у Вас выпросить август, сентябрь, октябрь и ноябрь. Что Вам стоят четыре месяца? Не тушите во мне жажду славы, загоревшуюся, наверное, ненадолго.

Вам преданная до гробовой доски и после
К. Милорадович.

5

1907–1911 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

пошляю Вам мое химическое произведение, которое я нарочно дала прочитать Зин<аиде> Амвр<осиевне>, чтобы она убедилась, что я ничего там не насочинила.

Я должна Вам признаться по секрету, что я на днях перессорилась чуть ли не с целым нашим кружком. Говорят, что у меня отвратительный характер, а потому, вероятно, виновата я (впрочем, я пишу это не искренно, т<ак> к<ак> я уверена, что я права). В результате Зинаида Амвросиевна взяла на себя дело извещений и назначений сроков, а я буду получать извещения наряду с другими. Одним словом, дело кончилось миром.

Если позвоните, Эрнест Львович, то перед кружком я приду к Вам немного пораньше, чтобы посоветоваться об одном моем деле, в котором я уже давно полна сомнений. Я бы не беспокоила Вас лишний раз, но в прошлый раз мне помешало поговорить с Вами присутствие Зин<аиды> Амвр<осиевны>.

Сердечно уважающая Вас
К. Милорадович.

6

1907–1911 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

простите, что я еще раз возвращаюсь к нашему последнему разговору, но для меня было бы невозможно продолжать пользоваться Вашим добрым и радушным отношением к нашему кружку, если бы

у Вас осталась хоть тень подозрения, что мое высказанное Вам мнение не вполне соответствует действительности.

Поэтому я не могла не поговорить от себя с Зин<айдой> Амвр<осиевной>. Она огорчена не меньше моего тем толкованием, какое Вы дали ее словам, и если не спешит сама объяснить их Вам и извиниться перед Вами, то только исполняя мое обещание Вам, что мой разговор с нею не вызовет никаких неприятных для Вас объяснений и извинений с ее стороны.

Дело было так. Во-первых, молодая часть Вашей аудитории, о которой была речь, состояла, как я и предполагала, из одной или двух курсисток, с которыми в этот вечер разговаривала Зин<аида> Амвр<осиевна>, причем ради справедливости должна прибавить, что они были не из семьи Платоновых.¹

Во-вторых, Зинаиде Амвросьевне не было повода встать на защиту Вашего имени, так как и те, которые вместе с нею находили нужным необыкновенно серьезный тон на публичной лекции и не одобряли отсутствие его у Вас, относились к Вашей личности с тем полным уважением и с той искренней симпатией, которую мы всегда встречали в среде сколько-нибудь знающей Вас молодежи и которая совершенно исключает возможность заподозрить Вас в чем-нибудь недостойном или дурном. И обычная в таких случаях критика была направлена именно на Вашу лекцию, а никак не на Вашу личность.

В-третьих, Зинаида Амвросьевна никогда не могла бы себе позволить выразить Вам лично какое бы то ни было «порицание» и была в полной уверенности, что критикует только Вашу лекцию с Вашего разрешения, хотя и признает, что слова для этого были ею выбраны неудачно.

Боясь, что ее присутствие в кружке может быть Вам теперь неприятным, она хотела выйти из него, но я убедила ее, что это имело бы смысл только в том случае, если бы ее слова действительно имели то значение, в каком Вы их поняли, но так как этого не было и Вы этому поверили, то все может оставаться по-старому.

Кроме того, мне хотелось сказать Вам несколько слов лично от себя. Меня очень, очень огорчило то малое доверие, которое Вы имеете к добрым чувствам нашего кружка по отношению к Вам. Все, кто сколько-нибудь знаком с его членами, знают, как чтит и любит «Радловский кружок» своего учителя, уж не говоря о нашей большой благодарности к Вам.

Как же Вы могли поверить, что кто-нибудь из нас мог не только заподозрить Вас в чем-то недостойном, но и позволить другим, если бы такие нашлись, выразить такую странную идею?

Пожалуйста, верьте самым лучшим чувствам не только моим, но и всех членов кружка, которые по отношению к Вам мне хорошо известны.²

Больше я не буду касаться этого вопроса.

Искренно преданная и глубоко уважающая Вас

К. Милорадович.

¹ *Платонов Сергей Федорович* (1860–1933) – историк, профессор СПб. университета, ВЖК и ряда других учебных заведений. Женская часть его семьи была тесно связана с Бестужевскими курсами. Жена, *Платонова Надежда Николаевна* (урожд. Шамонина; 1861–1928) – выпускница ВЖК (1885); переводчица («Риторика» Аристотеля, 1894; «История новой философии» В. Виндельбанда, вместе с Е. И. Максимовой и др., под ред. А. И. Введенского, 1902–1905; раздел из этого труда, посвященный философии Канта, был опубликован отд. изданием в 1893 г.), автор историко-литературных работ, а также ряда рецензий, публиковавшихся в ЖМНП; кроме того, Н. Н. Платонова в течение многих лет была членом Совета Общества вспоможения окончившим курс наук на СПб. ВЖК. Старшие дочери *Платонова Нина Сергеевна* (1886–1942) и *Платонова Вера Сергеевна* (1888–1944) учились на ВЖК (выпуск 1909 г. и 1911 г. соответственно). Платоновы (в первую очередь Н. Н.) принадлежали к кругу сотрудников А. И. Введенского и не всегда были в дружественных отношениях с «радловскими». З. А. Ефимовская во время обучения на ВЖК занималась под руководством С. Ф. Платонова, а затем была им оставлена при курсах для продолжения занятий на 1 год; ее сестра Елена (см. ниже примеч. 3 к письму 58) училась у С. Ф. Платонова в Педагогическом институте. Сестры Ефимовские бывали у Платоновых дома и особенно подружились с Н. С. Платоновой. См. письма З. А. и Е. А. Ефимовских к С. Ф., Н. Н. и Н. С. Платоновым за 1903–1926 гг.: ОР РНБ, ф. 585, № 2893, 2894, 5833, 5834, 6233.

² Сохранилось письмо З. А. Ефимовской к Э. Л. Радлову, написанное по поводу этого происшествия на лекции (к сожалению, также не датированное): «...Я, право, не в состоянии не написать Вам несколько слов, раз я уже обещала не говорить их лично. – Меня ужасно огорчает, что при всей моей благодарности и преданности Вам я могла доставить Вам неск<олько> неприятных минут. Но язык мой – враг мой. Не всегда скажет ясно, а еще чаще скажет и вовсе лишнее. – Я положительно несчастлива, до какой степени часто причиняю этим огорчения и себе, и другим. – Если б этого не было, то мои слова только и могли выразить мое глубоко сердечное и благодарное отношение. <...>» (*Ефимовская З. А. Л. 4–4 об.*). О каком именно выступлении Э. Л. Радлова идет речь, установить не удалось.

1907–1911 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

мне хочется написать Вам диссертацию «о женском уме» – тема, которая меня ужасно задевает за живое, а между тем на занятиях она не у места. Видите ли, ведь если обычное мнение, что женщина глупее, – правильно, то ведь женщину нельзя уважать, потому что нельзя уважать глупость. Даже за нравственные достоинства нельзя уважать женщину, потому что глупая нравственность стоит очень мало. Ведь если это правда, то женщина не может требовать, чтобы с нею были честными, чтобы поберегли то, что ей дорого, чтобы отнеслись к ней всерьез, с серьезной дружбой, чтобы не доставляло удовольствия подавить ее волю. Отдельная умная женщина, как исключение, дела не меняет. Если по природе женщина вообще глупее, то умная женщина – это уродство. И мне кажется, что сознательно или бессознательно, а такой взгляд существует у большинства, почти у всех. Я готова помириться с тем, что он существует, мне трудно помириться с тем, если он справедлив. Если он справедлив, то нам следует совсем иначе жить и не фальшивить, требуя того, что нам не принадлежит. Но ведь это не правда. Умная женщина, если она не резонерка, а в самом деле умная, – это не уродство, это красиво, – значит, не противоестественно. Только женский ум совсем иного рода – не ново будет сказать, что он интуитивный. У женщины меньше способности логически связывать свои мысли, но ведь это не недостаток ума, потому что мало ли ученых дураков, которые вышколенно связывают свои глупые мысли. Мне кажется, что отсюда все и вытекает. Когда мы учимся или работаем научно, то это есть бесконечная тяжелая борьба с отрывочностью наших мыслей, которые, право, не всегда плохи.

Ведь признана женская чуткость, а что же это, если не ум? Вот почему мне, например, всегда бывает так драгоценна мужская помощь в умственной работе. Это ведь характерно для женского ума, а между тем это не значит, что у меня нет ничего своего. Свое есть, и очень упорное и неуступчивое, но связности и цельности <нет> – логичности я хотя и достигаю иногда, но с большим трудом, и люблю, когда мне в этом помогут. Я думаю, именно поэтому мужчины так много сделали в науке, в искусстве. Они умеют оформить даже маленькое, а женщина оставит в неразвитом виде даже большое.

Поэтому же, я думаю, женщину так легко бывает убедить в чем-нибудь: логика убеждает, хотя не до конца, и очень часто под внешним навязанным убеждением продолжает жить упорный внутренний протест. Разве это не верно? Я охотно готова уступить силу характера и таланта (талантливее мужчины, наверное, а относительно характера исключений с обеих сторон так много, что я не уверена), но мне трудно уступить ум. Я знаю, что очень часто мужчины, которые гораздо глупее меня, – что всякому будет очевидно, – понимают такие вещи, которые мне понять и осилить очень трудно. Значит, тут дело не в уме, по крайней мере не в его силе, а в его характере.

А потом еще две мысли, совсем не вытекающие из этого.

Мне недавно бросилось в глаза, что христианство (Евангелие) требует от всех людей того, что теперь принято считать специально женскими добродетелями: любовь, доброта, нравственная чистота и т. д. – и совсем не настаивает на мужских: твердость, мужество и т. д. – Почему это?

А еще, не кажется ли Вам, что хотя русскую культуру, как и всякую, производят мужчины, но характер русского мышления именно женский?

Простите за такую тему.

Вы такой милый, Эрнест Львович.

К. Милорадович.

8

Февраль–март 1908 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

посылаю Вам мою работу. Если Ваш заказ выполнен мною плохо, то, пожалуйста, не печатайте его. Я старалась быть как можно более краткой и обстоятельной. Надеюсь, что Вы будете добры сказать мне Ваше мнение о моей работе? Мне самой она что-то мало нравится.

Н. В. Брюллова¹ просила меня спросить Вас, почему ей до сих пор не присылают корректуры ее статьи о книге Морозова? И не есть ли это знак, что статья не будет помещена в апрельском номере?²

Искренно и сердечно уважающая Вас

К. Милорадович.

¹ Брюллова-Шаскольская Надежда Владимировна (1886–1937) – этнограф, востоковед, литератор; выпускница ВЖК (1908; ист.-филол. отделение, группа всеобщей

истории); занималась в семинаре проф. М. И. Ростовцева; по окончании курсов была командирована для продолжения научных занятий за границу; в 1909 г. вышла замуж за историка и полит. деятеля П. Б. Шаскольского; по возвращении в Россию преподавала в Василеостровской женской гимназии, сотрудничала в НЭСБЕ; автор перевода «Трех книг Пирроновых положений» Секста Эмпирика (СПб., 1913; под ред. А. И. Малеина; Труды ПФО, вып. 10); видный деятель партии эсеров (с 1908 г.); после революции занималась преподавательской, музейной и научно-литературной деятельностью; неоднократно арестовывалась, подвергалась высылке, ссылке; расстреляна по постановлению тройки НКВД. Подробнее о ней см.: *Анциферов Н. П.* С. 466 (биогр. справка А. И. Добкина).

² Рецензия была опубликована в июне: *Брюллова Н. В.* К вопросу о датировке Апокалипсиса: (По поводу книги Н. Морозова «Откровение в грозе и буре». М., 1907) // ЖМНП. 1908. Ч. XV. С. 415–432.

9

1907–1911 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,
посылаю Вам с благодарностью Ваши книги и мое произведение. Простите, что переплет потерт – это, конечно, истинное безобразие. Пожалуйста, не откажите прислать мне какую-нибудь историю церкви (Буасье¹ или другую), которая, наверное, имеется в Вашей библиотеке.
Искренно уважающая Вас
К. Милорадович.

¹ *Буасье Гастон* (1823–1908) – французский историк античности и раннего христианства. На рус. яз. были опубликованы его труды: «Римская религия, от Августа до Антонинов» (М., 1878), «Падение язычества» (М., 1892), «Катакомбы» (М., 1907), «Картины древнеримской жизни» (СПб., 1896) и др.

10

Первая половина 1908 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,
разумеется, я очень Вам благодарна и готова немедленно приняться за предложенную Вами работу, тем более что об этой книге Лебона¹ я слыхала и заинтересована ею. Постараюсь выполнить требования «Ж. М. Н. П.» и хорошо познакомиться с произведениями

Лебона;² Вас же попрошу указать мне, в каком размере и к какому сроку должен быть написан отзыв?³

Еще раз благодарю Вас.

Сердечно преданная Вам

К. Милорадович.

¹ *Лебон Гюстав* (Le Bon; 1841–1931) – французский психолог, историк и социолог. Имеется в виду изд.: *Лебон Г.* Психология социализма / Пер. с фр. 5-го изд. с портр. автора и предисл. его к рус. изд. СПб., 1908; 2-е изд. (с уточненным подзаголовком: «Полный и точный перевод...») вышло в том же 1908 г.

² Ранее по-русски выходили следующие труды Г. Лебона: «Физиология размножения человека и животных» (СПб., 1871), «Эволюция цивилизации» (Одесса, 1895), «Психология народов и масс» (СПб., 1896), «Психология социализма: Очерки» (сокр. пер. – СПб., 1899) и «Психологические законы эволюции народов» (СПб., 1906).

³ Рецензия будет опубликована в октябре 1908 г.

11

Январь–февраль 1908 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

будьте так добры захватить с собою к Каринскому¹ книгу Лебона; хотя я еще не покончила и с другими его произведениями, но хотела бы теперь же посмотреть и эту.

Искренно уважающая Вас

К. Милорадович.

¹ *Каринский Михаил Иванович* (1840–1917) – философ и логик; заслуженный орд. проф. СПб. духовной академии; в 1882–1889 г. преподавал на ВЖК; член ПФО с момента основания; на первом заседании ПФО был выдвинут кандидатом в председатели, но при баллотировке уступил А. И. Введенскому; впоследствии избран почетным членом ПФО (см.: *Милорадович К. М.* ПФО. Л. 4). Труды М. И. Каринского были высоко оценены Э. Л. Радловым, посвятившим его творчеству специальные работы, в том числе некролог с показательным заглавием: «М. И. Каринский. Творец русской критической философии» (Пг., 1917). К. М. Милорадович могла быть знакома с его детьми: *Каринским Николаем Михайловичем* (1873–1935) – историком и палеографом, преподававшим на ВЖК, *Каринским Владимиром Михайловичем* (1874–1932) – философом, членом ПФО, и *Каринской Ниной Михайловной* (в замуж. Лупповой; 1878–1957) – выпускницей ВЖК (1899), членом ПФО. О готовящемся посещении Каринского «радловским кружком» (и даже, может быть, проведении у него одного из собраний) упоминает Н. П. Кулаковская в письме Э. Л. Радлову от 28 янв. 1908 г. (*Муретова Н. П.* № 825. Л. 7).

3 мая 1908 г. Полтава

3-е мая 1908 г.

Многоуважаемый Эрнест Львович,

мне приходится обратиться к Вам с просьбой совершенно другого рода, чем до сих пор.

У меня на днях умер отец. Хотя у моей матери и есть настолько средств, чтобы жить, но мне необходим постоянный заработок. Не будете ли Вы такой добрый, чтобы помочь мне найти такое дело? Я знаю, что литературный труд постоянного заработка не даст, но мне хотелось бы устроиться где-нибудь возле литературы и книг: в какой-нибудь редакции или библиотеке. Если же это оказалось бы невозможным, то я не откажусь и от педагогического труда (предпочитаю по истории). Вообще, я не откажусь ни от какого труда и капризничать не буду. Простите, что я так много беспокою Вас; я и так уже многим Вам обязана.¹

К. Милорадович.

Мой адрес пока: Полтава, Крестовоздвиженская ул., д. 2, о перемене адреса я Вас извещу.

¹ Аналогичное письмо К. М. Милорадович тогда же написала И. А. Шляпкину (*Письмо Милорадович К. М. Шляпкину*. № 1804, л. 1–1 об.). Приводим текст полностью:

«Дорогой Илья Александрович,

я решила написать Вам, хотя мне и трудно теперь разговаривать. Дело в том, что у меня умер отец; мне же теперь необходим заработок, хотя у матери и есть небольшие средства для жизни. Итак, я ищу теперь заработка и, по возможности, не по педагогике. Педагогике я уже попробовала в этом году, но она очень мало оставляет мне [времени и] сил для моих личных занятий. Последние я во всяком случае не оставляю; обстоятельства могут мне облегчить или затруднить направление моей жизни, но никак не изменить его. [Но если они будут слишком трудными, то они могут] Если мне не удастся найти работу более механическую, или где-нибудь в библиотеке, или редакции, или еще где-нибудь, то я, конечно, возьмусь и за педагогику, но это уж последнее. Пишу я все это Вам затем, Илья Александрович, что хотя я знаю, что Вы, при всем Вашем добром желании мне помочь, из лени ничего для этого не предпримете, но мож<ет> быть, Вам случится услышать о какой-нибудь работе в Публичной ли библиотеке, или где-нибудь еще. Тогда, пожалуйста, не забудьте обо мне.

Если Вы захотите ответить мне, то мой адрес следующий: Калужской губ., Мещовского уезда, село Щелканово, имение Ярошенко – мне.

Сердечно желаю Вам всего лучшего.

К. Милорадович».

Вторая половина мая 1908 г. Щелканово

Многоуважаемый Эрнест Львович,

спасибо Вам за письмо. Мой отец был действительно человек замечательный, и дороже я ничего потерять не могла. Сейчас пишу Вам, собственно, для того, чтобы сообщить мой новый адрес, на случай, если он Вам будет нужен или Вы соберетесь прислать мне корректуру моей статьи.¹ Адрес следующий: Калужской губ. Мещовского уезда, село Щелканово, имение Ярошенко – мне. Что касается места в гимназии, то я еще ничего для этого не предприняла: все надеюсь, что удастся найти что-нибудь не по педагогике; уж очень она много отнимает сил от моих любимых занятий. Если уж убежусь, что иначе нельзя, ну делать нечего, а может быть, и можно?..

Желаю Вам всего хорошего и прошу передать мой поклон Вашей жене,² с которой я познакомилась в последний мой визит к Вам.

К. Милорадович.³

¹ Речь идет о рецензии на книгу Г. Лебона.

² *Радлова Вера Александровна* (урожд. Давыдова; 1863–1938) – жена Э. Л. Радлова (с 1885 г.).

³ Вверху листа помета рукой Э. Л. Радлова (?): «Адрес вписан».

Июнь—первая половина июля 1908 г. Щелканово

Многоуважаемый Эрнест Львович,

спасибо Вам, что прислали мне сюда корректуру. Посылаю Вам ее обратно в исправленном виде, и хотя я до сих пор не имела дела с корректурными знаками, но надеюсь, что мои поправки понятны?

Если Вы мне позволите продолжать работать для «Ж. М. Н. П.», то я думаю написать отзыв об указанной Вами мне книге Кейзерлинга.¹ До сих пор я все боялась, что не одолею ее по моему плохому знанию немецкого яз., а потому я проделала летом очень скучную работу: перевела всю книгу на русский яз. Таким образом я убила двух зайцев: усовершенствовалась в немецком яз. и поняла Кейзер-

линг. Книга сама по себе мне мало понравилась, но она затрагивает некоторые интересные вопросы.

К концу сентября я рассчитываю быть в Петербурге и, сколько мне известно, остальные члены нашего кружка тоже предполагали там быть к этому времени; надеюсь, что Вы и в этом году не откажете нам продолжать заниматься с нами?

Что касается меня лично, то у меня есть маленькая надежда получить место помощницы библиотекаря у нас на Высших курсах. Это меня очень привлекает, но, во-первых, это не наверное, а во-вторых, если и будет, то будет не скоро, так что, приехав в Петербург, я буду искать временных занятий. Надеюсь застать Вас здоровым и окончившим «историю русской философии».²

Искренно уважающая Вас

К. Милорадович.

¹ *Кейзерлинг Герман Александр* (Keyserling; 1880–1946) – немецкий философ, культуролог, писатель, путешественник. Вероятно, речь идет о его первой философской книге «Das Gefüge der Welt: Versuch einer kritischen Philosophie» («Строение мира: Опыт критической философии»). München, 1906). Переводы этого труда на рус. яз. не выходили.

² «Очерк истории русской философии» Э. Л. Радлова вышел в 1912 г. (1-е изд.).

15

15 июля 1908 г. С.-Петербург¹

Многоуважаемый Эрнест Львович,

я приехала час тому назад, и так как, к великому моему огорчению, сегодня собраться у Вас нельзя, то решаюсь спросить Вас: не позволите ли Вы мне приехать поговорить с Вами на этой неделе и когда? По утрам до 3-х часов я в школе, а потом в любой час буду рада Вашему приглашению, если это не очень затруднит Вас. Если же Вы заняты на этой неделе, то, может быть, позволите мне приехать в будущий вторник раньше других?

Искренно уважающая Вас

К. Милорадович.

В<асильевский> О<стров>, Средний просп., д. 11, кв. 16.

¹ Закрытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю.

16

Вторая половина 1908 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,
так как до сих пор мне никто не делает более заманчивых предложений, то я готова приступить к занятиям в Вашей редакции, если Вы не раздумали меня туда принять.

Пожалуйста, напишите мне, когда и куда я должна явиться и кто мне расскажет, что именно я должна делать? Потому что я ведь не имею понятия о характере моих обязанностей.

Простите, что без конца беспокою Вас.

Искренно уважающая Вас

К. Милорадович.

17

Вторая половина 1908 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,
мне очень совестно, что я по двадцать раз пишу Вам, но меня очень беспокоит, что Вы не ответили мне на последнее письмо, т<ак> что я только и могу предположить, что Вы его не получили.

Я бы хотела приступить к работе в Вашей редакции и не знаю, когда и куда мне явиться и что там делать.

Пожалуйста, Эрнест Львович, напишите мне, отчего Вы мне не пишете.

Искренно уважающая Вас

К. Милорадович.

18

1908–1911 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,
я сегодня не успела навестить Вас – все метранпаж Денисов¹ виноват. Но я боюсь, что я сегодня сделала глупость, в которой и спе-

шу покаяться перед Вами. После разговора с Вами я написала Колубовскому,² прося, с Вашего разрешения, снова переменить кор^{ре}ктуру» «Журнала <МНП>» на коррек^{ту}ру» «Известий <по народному образованию>» – на что он мне ответил, 1) что коррект^ура» «Известий» по Вашему приказанию тоже оставалась за мною (спасибо, Эрнест Львович! Вы слишком добры ко мне с моими затруднениями!) и 2) что он будет искать корректора для «Журнала». А сегодня ко мне пришла одна голодающая знакомая с мечтою получить работу. Я, захваченная врасплох, и отправила ее к Колубовскому, а потом сообразила: вдруг у Вас есть кто-ниб^удь» на примете, а я распорядилась?

Сердечно преданная

К. Милорадович.

¹ Денисов Павел Павлович – почетный гражданин, наборщик (с 1877 г.), а затем метранпаж (с 1897 г.), работавший для ЖМНП (его прошение о представлении к очередной высочайшей награде – РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 487, л. 1).

² Колубовский Яков Николаевич (1863–1929) – историк и библиограф философии; секретарь редакции ЖМНП и «Известий по Народному образованию», казначей ПФО.

Многоуважаемый Эрнест Львович,

во-первых, посылаю Вам книжку по философии марксизма, которую Вы хотели посмотреть, и оттиск моей статьи,¹ а затем, как всегда, обращаюсь с просьбами. Не будете ли Вы так добры прислать мне для отзыва в «Русскую мысль»² статью о морали Паскаля³, которая, по словам Екатерины Федоровны,⁴ у Вас есть? Если можно, пожалуйста, пришлите мне также и самого Паскаля «Lettres provinciales» и «Pensées» – последние, кажется, существуют в русском переводе.⁵ Конечно, все это в том случае, если это Вам не трудно и если эти книги Вам сейчас не нужны. Затем я еще хотела попросить у Вас разрешения брать на Ваше имя книги в библиотеке Академии наук; Вы знаете, что я с книгами обращаюсь аккуратно и не поставлю Вас в неприятное положение. Если Вы согласны дать мне такое разрешение, то не трудитесь писать мне, а просто пришлите, пожалуйста, Вашу карточку.

Я немножко запоздала с поездкой в Москву, но на будущей неделе вероятно соберусь – тогда я сообщу Вам об этом и буду к Вашим услугам, если Вы захотите дать мне поручения.

Простите за беспокойство.

Искренно уважающая Вас

К. Милорадович.

¹ Вероятно, речь идет об оттиске рецензии К. М. Милорадович на «Психологию социализма» Г. Лебона (ЖМНП. 1908. Окт.).

² «Русская мысль: Журнал научный, литературный и политический», издавался в Москве с 1880 г.; с 1907 г. журналом руководил П. Б. Струве.

³ Имеется в виду книга приват-доцента Казанского университета Александра Дмитриевича Гуляева (1870–1935) «Этическое учение в “Мыслях” Паскаля» (Казань, 1906). Рецензия К. М. Милорадович на нее, а также на первые два тома трехтомного исследования F. Strowsky «Pascal et son temps» (Paris, 1907–1908; третий том выйдет в 1910 г.) напечатана в № 2 «Русской мысли» за 1909 г. (Библиогр. отдел. С. 35–38). В № 9 «Русской мысли» за 1909 г. (Библиогр. отдел. С. 221–224) будет опубликована еще одна ее рецензия (с ошибочным указанием автора: «Н. Милорадович») – на книгу George Pellisier «Voltaire philosophe» (Paris, 1908). Другие случаи сотрудничества К. М. Милорадович с этим журналом нам неизвестны.

⁴ *Грушке Екатерина Федоровна* (1870–1941) – секретарь редакции ЖМНП с лета 1908 г. (приняла дела у ушедшей Е. Д. Аменицкой, см.: *Аменицкая Е. Д.* № 40, л. 13; № 38, л. 29–30).

⁵ «Pensées» («Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets» – «Мысли о религии и других предметах»; 1658) Б. Паскаля неоднократно выходили на рус. яз. (пер. И. Бутовского – 1843; пер. П. Д. Первова – 1888, 1899, 1905; пер. С. Долгова – 1892, 1902; пер. под ред. А. И. Попова – 1898); «Lettres Provinciales» («Письма к провинциалу»; 1656–1657) также существовали в рус. пер. под ред. А. И. Попова (1898).

20

Весна 1909 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

корректурa от Степанова к нам еще не возвращалась. Я в этом уверена потому, что с тех пор как Вы мне сказали о его просьбе прислать ему вместе с 2-ой корректурой его рукопись «О лунном течении»,¹ я все время следила за приходящими корректурами и отложила рукопись для отправки.

К. Милорадович.

¹ *Степанов Николай Васильевич* (1857–1914) – преподаватель физики. Его статья «К вопросу о летописном счислении часов: (Исследование таблицы лунного течения)»

21

Конец весны–лето 1909 г. Святые Горы

Многоуважаемый Эрнест Львович,

наконец покончила с «Вехами» и посылаю Вам мою статью.¹ Но только по этому поводу я полна сомнений: мне кажется, что она и вообще плоха, а уж для «Журнала Министерства» и вовсе не годится. Впрочем, об этом лучше судить Вам. Пожалуйста, будьте добры, Эрнест Львович, исправьте ее, если что плохо, или вычеркните ненужные места. Может быть, эпиграф неуместен? Если Вы найдете возможным ее напечатать, [то пож] и напечатаете скоро, то, пожалуйста, пусть мне пришлют корректуру (а также и деньги, если их время придется летом) сюда, по прилагаемому мною адресу.

Пользуюсь этим случаем, чтобы сказать Вам, Эрнест Львович, как много Вы облегчили мне прошедшую, вероятно, самую тяжелую в моей жизни зиму Вашим добрым отношением ко мне. Я этого никогда не забуду.

Мне бы очень хотелось знать что-нибудь о Вас и о Вашем здоровье, и если напишете мне несколько слов, то очень меня порадуете. Впрочем, если это для Вас очень большой подвиг при обилии обязательной переписки, то не буду обижена и молчанием.

Проездом через Москву я заходила в редакцию «Вопросов философии» справиться о своей статье² и... получила ее обратно. Я бы послала ее в «Критическое Обозрение»³ – там, кажется, принимаются такие статьи, да не знаю их адреса; если не забудете, то, пожалуйста, поручите Екатерине Федоровне прислать мне его вместе с корректурой. Меня это интересует с точки зрения гонорара.

Теперь я живу в местечке «Святые Горы»⁴ – маленьком курорте Харьковской губ., где Мама лечится соляными ваннами. Живется мне пока не очень худо; здесь хороша природа и можно на полдня уходить в лес, а с курортными кавалерами и дамами я знакома. К тому же по соседству есть монастырь с чудотворной иконой и множеством богомольцев, и хотя меня лично искушает дьявол и я нахожусь, к несчастью, в ссоре с Господом Богом, но народная святыня меня и вле-

чет и интересуется. При таких условиях еще жить можно, хотя мне очень хочется при первой возможности сбежать в свое «имение».

Меня интересует: напечатали ли Вы Вашу лекцию о Соловьеве?⁵ Если да, то я надеюсь, что Вы не откажетесь прислать мне ее оттиск?

Я много думала о редакции и о библиотеке и о выборе между ними. Я бы, нисколько не колеблясь, осталась в редакции, если бы меня не сманивало всегда на законном основании свободное лето, которое мне предлагают на Курсах.

Ведь хотя на этот раз Вы меня и отпустили на все четыре стороны, но мне было бы совестно и даже невозможно пользоваться этим каждое лето, оставляя Ек<атерину> Фед<оровну> одну. Да и что бы сказал Колубовский? А я, признаюсь, бродяга по природе, и одного месяца мне мало. Разумеется, я не стала бы капризничать, если бы у меня не было выбора, а теперь я все-таки склоняюсь на сторону Курсов (если мне еще там не откажут осенью). Вы не согласны, Эрнест Львович, что лето – это важно?

Простите, пожалуйста, за болтовню. За неимением телефона мне захотелось поговорить с Вами письменно.

Адрес мой: почт. отд. Святые Горы, Харьковской губ. Изюмского уезда, дача № 8.

Письма здесь очень пропадают и только заказные доходят на-верное.

Надеюсь осенью найти Вас поздравнее и повеселее.

Искренно преданная Вам

К. Милорадович.

¹ Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции / <Соч.> Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона <и др.>. М., 1909. Рец. К. М. Милорадович: ЖМНП. 1909. Авг.

² «Вопросы философии и психологии: Журнал, осн. проф. Н. Я. Гротом и А. А. Абrikосовым: Изд. Моск. психологического общества при содействии СПб. философского общества», издавался в Москве с 1889 г.; с 1906 г. единоличным редактором журнала был Л. М. Лопатин. Сведениями о сотрудничестве К. М. Милорадович с этим изданием мы не располагаем.

³ Критико-библиографический журнал «Критическое обозрение» издавался в Москве в 1907–1909 гг.; ред.-изд. Е. Н. Орлова, ред. Н. Д. Виноградов, М. О. Гершензон, Б. А. Кистяковский и др. К. М. Милорадович в этом журнале не печаталась.

⁴ Святые Горы, Святогорск – поселок возле Святогорского Успенского монастыря в Изюмском уезде Харьковской губ. (сейчас город Донецкой обл. Украины), на реке Северный Донец; открытые поблизости минеральные источники пользовались репутацией лечебных при легочных заболеваниях, болезнях суставов и пр. Чудотворные иконы монастыря привлекали многочисленных паломников. О своем посещении

монастыря и лечебницы А. П. Чехов писал родным 11 мая 1887 г.: «В Святые Горы приехал в 12 часов. Место необыкновенно красивое и оригинальное: монастырь на берегу реки Донца, у подножия громадной белой скалы, на которой, теснясь и нависая друг над другом, громоздятся садики, дубы и вековые сосны. Кажется, что деревьям тесно на скале и что какая-то сила выпирает их вверх и вверх... Сосны буквально висят в воздухе и того гляди свалятся. Кукушки и соловьи не умолкают ни днем ни ночью... <...> Ночевал я в монастыре 2 ночи и вынес тьму впечатлений. При мне, ввиду Николина дня, стеклось около 15 000 богомольцев, из коих 8/9 старухи» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. М., 1975. Т. 2. С. 82–83). Святые Горы описаны в рассказах А. П. Чехова «Перекасти-поле (Путевые заметки)» (1887) и И. А. Бунина «Святые Горы» (1895) и очерке Вас. И. Немировича-Данченко «Святые Горы» (1886).

⁵ Э. Л. Радлов был автором нескольких работ о Вл. Соловьеве: «Учение Соловьева о свободе воли» (ЖМНП, 1911), «Гносеология Вл. Соловьева» (Логос, 1912–1913), «Владимир Соловьев. Жизнь и учение» (СПб., 1913) и др., кроме того, поместил статьи в подготовленных им собраниях сочинений (т. 9; 1907) и издании писем Соловьева (т. 1, 1908).

22

1908–1911 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

посетившая меня инфлуэнца вдохновила меня на исполнение заказанного Вами отзыва. Надеюсь, что он достаточно краток и содержателен? А если нет, то я готова написать их еще десять на выбор.

Очень мне неприятно, что я 3 дня не могла исполнять своего долга перед редакцией, а еще более, что была лишена удовольствия быть в кружке.

Затем я пришла к убеждению, что писание трактов¹ не только увлекательно, но и ценится на вес золота, иначе я бы не получила награды в 60 рубл.

Искренно и сердечно уважающая Вас
К. Милорадович.

¹ Так в тексте.

1908–1911 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,
я написала предисловие к своему отзыву, но очень боюсь, что благодаря ему я в нескольких местах повторяюсь, хотя и вычеркнула два места в середине.

Не знаю – удачно ли.

Надеюсь, что Вы и впредь не будете забывать обо мне, если в «Ж. М. Н. П.» попадется подходящая для меня работа?

Буду Вам очень благодарна.

Искренно уважающая Вас

К. Милорадович.

Первая половина дек. 1909 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,
спасибо большое за присланную Вами Вашу статейку; все получившие ее – тоже благодарят.

Если позволите, я зайду к Вам проститься на часок в среду 16-го в 7 ч. вечера и обещаю уйти в 8. А если Вам этот день и час не удобен, то передайте мне об этом через Ек<атерину> Дм<итриевну>ну, которая рассчитывает видеть Вас раньше.

Хотя Вы меня и ругаете за легкомысленное отношение к деньгам и к своей будущей судьбе и мое поведение не заслуживает Вашего одобрения, но я твердо надеюсь, что многочисленные хлопоты, которыми Вы были так добры, что подвергались в этом году из-за меня, не отбили у Вас охоты иметь со мною дело. Право, я постараюсь на будущий год Вас не беспокоить делами (кроме стипендии злосчастливого Селихановича),¹ и поверьте, что во мне нет черной неблагодарности, в которой меня подозревает Н. Н. Пл.²

Сердечно преданная Вам

К. Милорадович.

¹ Ср. в письме З. А. Ефимовской к Радлову, написанном около этого же времени: «...я хочу оч<ень> попросить Вас не забыть своего обещания на этот год отно-

сит<ельно> Селихановича. Я знаю, что он Вам не понравился; но ведь много есть кандидатов на стипендии, котор<ых> Вы не знаете вовсе и котор<ые>, м<ожет> б<ыть>, не понравились Вам еще в большей мере. И что это человек трудящийся, хороший и уставший от нужды – так это верно. Но главное, почему это меня беспокоит, это то, что, с Вашего разрешения, мы в прошлом году передали ему от Вашего имени обещание не забыть его этой зимой. Я оч<ень> боюсь, что при неудаче он приведет это в связь с прошлогодним неблагоприятным впечатлением на Вас, котор<ое> он правильно почувствовал. Мне было бы его в таком случае страшно жаль, п<отому> ч<то> это человек неуверенный в себе и своих силах». *Ефимовская З. А. Л. 5–6.*

² Вероятно, Н. Н. Платонова.

25

Последние числа октября–первые числа ноября 1910 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

Поздравляю Вас с тем, что Толстой ушел.¹ Я сегодня так счастлива этим, что ничего не могу делать. А Вы говорили, что умерла живая душа на Руси!

К. Милорадович.

¹ Л. Н. Толстой покинул Ясную Поляну ранним утром 28 окт. 1910 г.

26

Январь–март 1911 г. С. Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

посылаю Вам «Аттрибут» и корректуру. Я нахожу, что старый «Аттрибут» требует только вставки, которую я и сделала, а нового писать не приходится, т<ак> к<ак> пришлось бы повторять то же самое.¹ В корректуре меня смущает только то, что там есть ссылки на предыдущие страницы, которых у меня нет и которые поэтому я не могу выставить в корректуре.

Попробовала переводить «Феноменологию» – ужасно интересно, хотя на Гегеле можно поломать все зубы, куда его раскусишь.

Простите, Эрнест Львович, что я так воюю на вечерах у Вас; это потому, что «жизнь» поставила передо мною 5 личных, но очень

трудных вопросов, которые я решила разрешить к Пасхе. После Пасхи² поэтому я, вероятно, буду спокойна, а покуда сержусь не в меру.

Сердечно преданная Вам
К. Милорадович.

¹ Статья «Аттрибут» (НЭСБЕ. Т. 4. <1911>. Стб. 268–269; без подписи) является дополненным вариантом статьи, напечатанной ранее в ЭСБЕ. Вставка, о которой говорит К. М. Милорадович, – 12 строк (с частичной переформулировкой первых двух), касается использования термина в логике и метафизике (в частности, у Спинозы).

² Пасха в 1911 г. праздновалась 10 апр.

27

1911 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

спасибо Вам за сведения и за распоряжение. Я надеюсь, что положите гнев на милость, когда узнаете, что подземные силы жестоко отомстили мне за Вашего дядюшку¹ и я уже третий день храню домашний очаг, сидя в инфлюэнции, которую приобрела у могилы тетушки Шляпкина.² Я бы могла найти утешение в сознании исполнения моего женского назначения, но я боюсь, что «божественный закон» не удовлетворяется таким одиноким очагом, как мой. Вероятно, есть еще какой-нибудь третий закон, кроме божеского и человеческого, а иначе мне по Гегелю нет места на земле. Теперь я уже поправляюсь.

Сердечно преданная Вам
К. Милорадович.

¹ *Радлов Эдмунд (Эдмунд Генрих) Федорович (Фридрихович)* (1828–1911) – химик, физик, преподаватель различных учебных заведений, библиотекарь Института инженеров путей сообщения; действ. стат. сов.; похоронен на Смоленском лютеранском кладбище.

² *Ревви (Ревы) Анна Ильинична* (ок. 1833–1911) – вдова Александра Антоновича Ревви; в их доме И. А. Шляпкин воспитывался в детстве; в конце жизни жила в его белоостровской усадьбе. А. И. Ревви умерла 22 марта 1911 г., похоронена на Смоленском кладбище. 24 марта (запись И. А. Шляпкина в Книге для прописывания жильцов в Белоостровской усадьбе. – РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 305, л. 4).

1910 – 1911 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,
 посылаю Вам отчет о занятиях, который Селиханович подавал Введенскому; и сообщаю на всякий случай, если Вам это может понадобиться, что вторичное ходатайство Введенского было послано из канцелярии попечителя в Министерство 22-го ноября (за № 30.375).

Огромное, огромное спасибо, Эрнест Львович, что Вы взялись за это дело. Просто гора с плеч!

Со всей сердечной преданностью

К. Милорадович.

Отчет написан кратко по совету Ал<ександра> Ив<анови>ча <Введенского>.

1907–1916 г. С.-Петербург

Сердечно поздравляю многоуважаемого Эрнеста Львовича с праздником.

К. Милорадович.

Вторая половина 1911 г.–начало 1912 г. С.-Петербург (?)

Многоуважаемый Эрнест Львович,
 мне очень нравится Ваша статья;¹ особенно Каринский, Толстой и Соловьев. Мысль Каринского у Вас очень легка и проста, несмотря на ее сложность. Для меня она была совершенно новой, и я думаю, что Ваша статья должна обратить на него внимание. Меня особенно заинтересовала мысль, что «созерцания могут быть априорны, а суждения о законах созерцания могут иметь опытное происхождение».

В Толстом Вы, по-моему, тоже взяли самое характерное, и хотя вся Ваша статья очень ярко обнаруживает всю нашу философскую

нищету, но она очень справедливая и вполне передает характер русской мысли.

Если я могу найти какой-нибудь недостаток, то разве только в главе об университетской философии, которая мало интересна по необходимости, как всякий перечень, и, мож<ет> быть, без нее можно было бы просто совсем обойтись на том основании, что в этой философии нет ничего самостоятельного?

А может быть, она и нужна как дополнение, и во всяком случае она не портит общего впечатления живой и свободной характеристики без натяжек.

Эрнест Львович, если Вы не очень спешите со статьей о Лосском и согласны будете подождать с нею довольно долго, то меня она все-таки очень искушает... Так как я решила заниматься только тем, что мне интересно, то она, собственно, может войти в мою программу. Если Вы согласитесь, то пусть эта книжка полежит еще куда у Вас, если, конечно, Вы не спешите, а иначе мне все-таки придется отказаться от нее.²

Мы уже начали Гегельянские спевки с Е. Д. Аменицкой.³ Мне очень нравится начало ее перевода предисловия, которое мы разобрали. Может быть, мы и не посраим Вашего кружка.

До свидания, Эрнест Львович, а то я рискую написать Вам 24 страницы, и Вы будете принуждены попросить кого-нибудь рассказать Вам их своими словами.

Сердечно уважающая Вас
К. Милорадович.

¹ Вероятно, имеется в виду «Очерк истории русской философии» (СПб., 1912).

² *Лосский Н. О.* Введение в философию. Ч. I. Введение в теорию знания. СПб., 1911. Рец. К. М. Милорадович на эту книгу: ЖМНП. 1912. Май. С. 157–163.

³ Ср. в письме Е. Д. Аменицкой к Э. Л. Радлову от 31 дек. 1911 г.: «Рождественский сочельник мы встречали у Милорадович, сидели около елки и предавались воспоминаниям. <...> А знаете, мы очень сблизились с Ксенией Михайловной, есть целый ряд вопросов, которые интересуют нас обеих, и если у нас от занятий остается свободная минута, мы много беседуем. Мать Ксении Мих<айловны> тоже прекрасная женщина – умная, остроумная, живущая интересами своей дочери; у них я чувствую себя так, как будто мы давно знакомы» (*Аменицкая Е. Д.* № 40, л. 31 об.–32 об.).

Около 25 марта 1912 г. С.-Петербург

Христос Воскрес,¹

Многоуважаемый Эрнест Львович!

Спасибо Вам за заботу, за работу, а главное, за участие и доброе отношение. Что касается работы, то я очень рада воспользоваться всем тем, что Вы мне даете. С Котляром² я уже разговаривала по телефону, но он еще не сговорился с Габриловичем,³ а потому не дал мне определенного ответа. Но, по-видимому, работу мне дать – намерен.⁴ Что касается статьи об Алексее Введенском,⁵ то простите, если я ее немного задержала. У меня много времени взяла Мамина болезнь. Но я, конечно, буду готова к сроку, какой Вы назначите. Однако она у меня едва ли выйдет такой же длинной, как статья о первом Вв<еденском>. Дело в том, что Алексей Вв<еденский>, по моему мнению, не сделал ровно никакого вклада в науку и даже кажется не сказал ни одного оригинального слова. Помимо того что о нем мало что можно сказать (ведь не разбавлять же водою) – разве правильно отводить такому небольшому человеку такое большое место?

Мама у меня поправляется, хотя еще на днях мы очень напугались. Оказалось, что ей при наложении гипса слишком перетянули руку, т<ак> что пришлось звать доктора и разрезать повязку. Теперь все хорошо. Перевод у нас с Катериной Дмитриевной движется, и думаю, что поправки в следующих корректурах хотя и будут, но незначительные. Теперь и я уже наострилась, а сначала почти все приходилось делать одной Ек<атерине> Дм<итриевне>. Не было просто сил у нее сделать все то, что ей приходилось делать.

Будьте здоровы и веселы, Эрнест Львович! Передайте мой привет Вере Александровне, Ольге Александровне⁶ и Вашим детям.⁷

От души преданная Вам во веки веков

К. Милорадович.⁸

¹ Пасха в 1912 г. праздновалась 25 марта.

² *Котляр Гедалий (Гдаль) Абрамович* (–1942?) – книгоиздатель, популяризатор науки и переводчик; один из основателей и руководителей издательства «Образование».

³ *Габрилович Леонид Евгеньевич* (1878–1953) – критик, публицист, переводчик; приват-доцент СПб. университета по кафедре философии; после 1918 г. в эмиграции.

⁴ Вероятно, речь идет о предполагавшемся участии в сборниках издательства «Образование» «Новые идеи в философии», составившихся из переводов работ современных зарубежных ученых, а также реферативных и обзорных статей; общую

редакцию осуществляли Э. Л. Радлов и Н. О. Лосский. Всего в 1912–1914 гг. вышло 17 тематических сборников; К. М. Милорадович приняла участие в «Сб. 5. Теория познания. 2» (1913 г.) с переводом статьи П. Наторпа и в «Сб. 15. Бессознательное» (1914 г.) с переводами статей Э. Гартмана и Ф. Брентано (см. вступ. статью).

⁵ *Введенский Алексей Иванович* (1861–1913) – философ, богослов; проф. Моск. Духовной академии. Речь идет о статьях для НЭСБЕ.

⁶ *Давыдова Ольга Александровна* (1859–после 1928) – сестра В. А. Радловой; химик, переводчица, библиотечный работник; выпускница ВЖК (1882), преподавала химию на ВЖК (1883–1886), работала в Публичной библиотеке (с 1918 г.); жила с семьей сестры; автор статей и рец. на хим., пед. и филос. темы (опубл. по большей части в ЖМНП); переводов (все под ред. Э. Л. Радлова) «Философии природы» В. Ф. Оствальда (1903), «Бруно...» Ф. В. Шеллинга (1908), «Фактов сознания» и «Наукословия...» И. Г. Фихте (1914; Труды ПФО) и др.

⁷ *Радлова (в замужестве Казанская) Наталия Эрнестовна* (1887–1938) – театральная деятель, педагог; *Радлов Николай Эрнестович* (1889–1942) – окончил ист.-филол. факультет СПб. университета (1911); учился в Академии художеств; художник, искусствовед, педагог; *Радлов Сергей Эрнестович* (1892–1958) – окончил ист.-филол. факультет Петроградского университета (1916); режиссер, театральная деятель, педагог. Знакомство членов кружка с детьми Э. Л. Радлова было, судя по их письмам, достаточно формальным.

⁸ Несмотря на сказанное выше, К. М. Милорадович соглашалась не на все предложения заработка, которые находил для нее Э. Л. Радлов. Сохранилось ее письмо к С. Н. Сыромятникову, написанное 30 или 31 марта 1912 г. (РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 3, № 107, л. 1–1об.). Приводим текст полностью:

«Многоуважаемый Сергей Николаевич,

хочу очень извиниться перед Вами за напрасно доставленное Вам беспокойство и поблагодарить за желание дать мне работу.

Дело в том, что, обдумав на свободе, я решила, что газетной работы мне брать не следует, у меня так мало времени, что я едва ли могу успеть читать так много книг и писать о них что-нибудь порядочное.

Боюсь, что это возьмет у меня гораздо больше, чем может мне дать и душевно и материально.

Еще раз – простите. Мне очень жаль, что Эрнест Львович похлопотал обо мне напрасно и что я потревожила Вас. Мне бы очень не хотелось, чтобы Вы подумали, что мне не понравились Ваши условия. Я просто очень боюсь постоянной работы, которая может меня связать.

С уважением,

К. Милорадович».

Сыромятников Сергей Николаевич (1860–1933) – журналист, публицист, востоковед; действ. стат. сов., член-учредитель и товарищ председателя Совета Русского Собрания (1900 г.); в 1906 г. стал редактором газ. «Россия», которая в это же время, как сообщалось в конфиденциальном циркуляре за подписью П. А. Столыпина, по соглашению с издателями была избрана «из существующих частных органов» для того, чтобы сообщать «верные фактические данные по всем наиболее важным вопросам и событиям» «при ближайшем руководстве и содействии образованного при главном управлении по делам печати отдела повременной печати» (текст циркуляра был опубл. в статье: *Обнинский В. П.* Печать и администрация // Свобода печати при об-

новленном строе: <Сб. статей>. СПб., 1912. С. 233). В архиве Э. Л. Радлова сохранились 27 писем к нему С. Н. Сыромятникова за 1907–1915 гг. (РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 1541. Далее: *Сыромятников С. Н.*), свидетельствующие об их давнем знакомстве.

1 апр. 1912 г. Сыромятников написал Радлову: «Г-жа Милорадович была у меня, и я намеревался ввести ее в нашу работу, дав сначала несколько книг для библиографических заметок, а потом хотел поручить ей каталогизацию моей библиотеки, но ее, вероятно, это не удовлетворило. Посылаю Вам ее письмо» (*Сыромятников С. Н.* Л. 18).

32

28 мая 1912 г. Москва

28-ое мая

Многоуважаемый Эрнест Львович,

пишу Вам перед отходом поезда из Москвы, а потому простите краткость. За это время я успела написать «Бердяева»,¹ которого посылаю, и отыскать под Москвой очаровательный уголок, который называется «детская трудовая колония», и «хороших русских женщин и мужчин», делающих славное скромное дело.²

Я всегда рада рассказать такой факт Вашему скептицизму.

Я провела у них ночь и осталась в восхищении от природы и от людей.

Будьте здоровы. Спасибо за все, Эрнест Львович!

Сердечно уважающая Вас

К. Милорадович.

¹ Вероятно, речь идет о статье в НЭСБЕ (Т. 6. <1912>. Стб. 42–44; подпись: «М.»).

² Летняя трудовая колония «Бодрая жизнь» была организована в 1911 г. под Москвой (15-й разъезд Брянской ж. д.; теперь на территории г. Обнинск Калужской обл.) Станиславом Теофиловичем Шацким (1878–1934) и его женой Валентиной Николаевной Шацкой (1882–1978); колония действовала ежегодно в летние месяцы; в 1919 г. преобразована в постоянную.

33

Начало июня 1912 г. Жупаново

Многоуважаемый Эрнест Львович,

ужасно боюсь, что я кругом виновата перед Вами. Мне надо было уехать, и я оставила в редакции адрес Мамы, которая хотела сделать пер-

вую корректуру за меня (я уверяю Вас, что она сделала бы ее хорошо: она упражнялась вместе со мною). Но теперь оказывается, что она не получает ни моих писем, ни корректуры: не знаю уже, неверен ли был адрес, который есть у меня, или что в этом виною. Теперь я написала в редакцию верный Мамин адрес, но смертельно боюсь, что уже поздно и что я Вас подвела! Хоть бы Бог послал забастовку в Сенатскую типографию – тогда я, по крайней мере, не буду виновата в задержке. Простите, Эрнест Львович! Я уверяю Вас, что со следующей корректурой ничего подобного не будет. Я вернусь к 15-му июня, т. е. через полторы недели. Адрес мой (для того чтобы Вы имели возможность меня выругать по заслугам) следующий: Ст. Струги Белые¹ по Варшавской жел. дор., деревня Жупаново, дача Соколова – мне. Этот же адрес я теперь послала Е. Ф. Грушке для корректуры. Посылаю Вам также статью «Вундт». Я забыла, чей еще есть перевод «Введения в филос<офию>», кроме того, кот<орый> вышел под Вашей редакцией, и оставила место с большой просьбой к Вам: вписать имя переводчика и год перевода.² Писала я на станции Люботин,³ где мне пришлось сидеть ночь. Я бы чувствовала себя превосходно (погода чудесная, вся земля пахнет каким-то волшебным зелием), если бы меня не беспокоили две вещи в мире: Мамино здоровье и мой неисполненный долг относительно перевода.

Если бы не эти две вещи, то было бы очень хорошо жить на Земле. Чем я становлюсь старше, тем сильнее я чувствую, что не надо ничего личного для того, чтобы быть счастливой. Надо только свободную, не привязанную к личным вещам мысль и побольше матерьяльной беззаботности.

Спешу отправить это письмо, пока не ушла почта. Напишите мне, пожалуйста, два слова о том, что с корректурой как-нибудь уладилось и что Вы на меня не сердиты. Для моего душевного спокойствия необходимо знать, что Вы на меня не сердиты.

Сердечно преданная Вам

К. Милорадович.

Привет Вашей семье.

¹ Струги Белые (с 1919 г. Струги Красные) – поселок городского типа в Струго-Красненском районе Псковской области.

² Речь идет о статье для НЭСБЕ (Т. 12. <1913>); первая ее часть является воспроизведением статьи В. С. Соловьева из ЭСБЕ, вторая (стб. 934–935) касается деятельности Вундта с 1890-х гг. (подпись: «К. М.»). О «Введении в философию» в опубликованном тексте в скобках сказано: «два русск. пер.» – без указания имен и годов.

³ Люботин – город и железнодорожный узел в Харьковской обл.

Вторая половина июня–июль 1912 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

очень жалею, что в П<етер>б<ур>ге нахожусь как раз в такие дни, когда Вас здесь нет, и Вы приедете, когда я должна уже уехать. Поэтому надеюсь несколько облегчить свою душу письмом. Мож<ет> быть, оно и лучше, т<ак> к<ак> я немного боюсь показаться Вам на глаза. Со всех сторон до меня доходят тревожные вести о том, что Вы сердитесь. Есть этому и фактическое подтверждение: несмотря на все мои мольбы, Вы мне не написали ни строчки. А между тем, приехав сюда, я узнала, что я гораздо менее виновата, чем я думала, т<ак> к<ак> задержка июньской корректуры исходила не от нас, а из редакции: Мама получила ее так поздно, что, вернув на другой день после получения, уже опоздала. Приехав на дачу, я написала письмо Грушке, спрашиваю: «Сердится Эрнест Львович?». Отвечает: «Сердится!». Я огорчилась и написала Екатерине Дм<итриевне>: «Очень ли сердится Эрнест Львович, – спрашиваю, – и какими словами он меня ругал?». Отвечает: «Очень сердится и ругает всех женщин за компанию». Я еще больше огорчилась. Наконец, приходит от Ек<атерины> Дм<итриевны> письмо уж совсем огорченное; пишет, что получила от Вас «холодное» письмо, что Вы говорите, что книгу мы не выпустим до второго пришествия, а между тем я Вас уверяю, Эрнест Львович, что это может быть только в том случае, если второе пришествие будет в сентябре или в октябре. Мы к этому времени ее непременно выпустим – это по корректурам видно. Тогда к моему огорчению присоединился некоторый душевный бунт. Ну как не грех упрекать Екатерину Дмитриевну, которая 1) огорчается всяким Вашим «холодным словам» свыше всякой меры, так что даже не скажет Вам никогда об этом, и 2) работает за четверых, не зная отдыха ни зимой ни летом!!!

Сейчас захожу в редакцию – там, оказывается, тоже гроза и исходящая вовсе не от Колубовского, как можно было думать, а все от Эрнеста Львовича. Тогда огорчилась уже с третьей точки зрения и решила, что, верно, Вы очень худо себя чувствуете, что так давно никто из нас не слышит от Вас доброго слова? Если так, то это, конечно, хуже всего. Но только, Эрнест Львович, пожалуйста, сердитесь лучше на меня, а не на Ек<атерину> Дм<итриевну>, а то мне перед ней совестно, т<ак> к<ак> я гораздо более ее достойна этого: во-

первых, я почти все лето гуляю по свету, в то время как она сидит и работает, и сделала только очень незначительную часть корректур, а во-вторых, я, по свойственному мне легкомыслию, перенесу это гораздо легче, чем она, и ни за что не поверю, что это будет длиться долго. Ну разве можно долго сердиться в ответ на все наши горячие чувства?

Обращаюсь к Вам со скромной и уничиженной просьбой:

Эрнест Львович, будьте милостивы, напишите мне два слова по адресу: Калужской губ. Мещовского уезда почт. ст. Щелканово, имение Ярошенко. Если Вы этого не сделаете, то я буду бояться прийти к Вам осенью и Вы меня когда-нибудь застанете замерзшей у дверей Вашего подъезда!¹

От всей души желаю Вам всего лучшего.

Сердечно преданная Вам

К. Милорадович.

¹ Основная нагрузка по подготовке перевода «Феноменологии духа» к печати легла на Е. Д. Аменицкую, которая лучше всех членов кружка знала немецкий язык и обладала наибольшим редакторским и корректорским опытом. Различные этапы работы нашли отражение в ее письмах к Радлову с конца 1911 г., и особенно в течение 1912 г. (всего около 40 писем – РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 40, л. 35–67, а также отдельные письма из № 38 и 39). Аменицкая одновременно писала вступительную статью, редактировала переводы подруг (исправляя ошибки и неточности и унифицируя терминологию), выправляла и сводила библиографию, держала корректуру в гранках и в листах, проводила сверку и т. д., иногда ведя параллельно три или четыре работы по разным фрагментам. Дело постоянно тормозилось почтовыми пересылками на два адреса (Радлову и в типографию; один раз пакет с корректурами был потерян, и все пришлось переделывать), уроками в гимназии и школе и постоянными болезнями Аменицкой (упоминаются жар, боли, бронхиты, плевриты и даже язвенная болезнь; в начале 1920-х гг. у нее был диагностирован многолетний запущенный туберкулез). Н. П. Аникиева, З. А. Ефимовская и Н. П. Муретова в редакции и корректуре совсем не участвовали, помогала только К. М. Милорадович, однако чувство ответственности Аменицкой, обремененное присущими ей дотошностью и некоторой хлопотливостью, заставляли ее перепроверять (а часто и исправлять) работу за другими (иногда даже за Радловым). Ср.: «У Аникиевой перевод закончен; она принесла мне ряд неясных фраз, которые я должен распутать, но я как-то все не могу сесть за них. Ксения Михайловна, наверно, привезет перевод Н. П. Муретовой» (31 дек. 1911 г. *Аменицкая Е. Д.* № 40, л. 31 об.); «Я понимаю Ваше негодование, но что же делать? <... далее про ежедневные 6 уроков в гимназии и школе, подготовку к ним и проверку тетрадей...> Остальное время я целиком отдаю переводу. Ведь я все время просидела над поправкой перевода сначала своего, затем Ксении Мих<айловны> и Зин<айды> Амврос<ивны>. Теперь мы сидим над переводом Аникиевой, который поправляется очень медленно – не больше 4 стр. в 3 часа. Почти каждый вечер я у Милорадович – от 8 час. до 12 час. На сокращение занятий по проверке не соглашается Кс<ения> Мих<айловна>, и я до сих пор подчинялась. Теперь мне остается сделать одно – на две недели прекратить про-

верку, тогда я скорее справлю корректуру. Это время я сидела над корректурой ночью, а в такие часы работа не может быть продуктивна» (без даты. *Аменицкая Е. Д.* № 38, л. 22–22 об.); «Последние гранки своей части Ксения Мих<айловна> читала только одна, обращая внимание главным образом на смысл, она вполне может напропускать мелкие корректурные ошибки, а мне бы очень не хотелось обременять Вас проверкой таких ошибок» (26 мая 1912 г. *Аменицкая Е. Д.* № 40, л. 39–39 об.); «Я знаю, что Вы сердитесь за медленность доставки корректуры, но, во-первых, мне приходится читать не только корректуру в листах, а и в гранках, во-вторых, я вообще привыкла работать с большим вниманием, а это всегда обуславливает медленность работы. <...> Сегодня получила письмо от Ксении Михайловны из Вязьмы – она на пути возвращения домой и выражает готовность приняться за корректуру» (17 июня 1912 г. *Аменицкая Е. Д.* № 40, л. 45–46 об.); «Получила письмо от Кс<ении> Мих<айловны>, бранит меня за мою болезнь <...> и просит переслать ей работу. Но мне пока нечего переслать, т<ак> к<ак> нечитанных гранок нет, а с листами она не любит и не будет возиться. Как только типография пришлет дальше гранки, отправлю ей, вставив замечания» (без даты. *Аменицкая Е. Д.* № 38, л. 9 об.). В отдельных случаях суетливость Аменицкой носит явно истерический характер: «...извиняюсь только, что пишу карандашом: я лежу без движения, и писать чернилом мне трудно. <...> далее о недоделках и недочетах в редакции и корректуре...» Я двадцать раз принималась за это дело и двадцать раз бросала. Если статья будет набрана, я думаю, что буду в силах продержать корректуру сама, хотя Ксения Мих<айловна> и хотела сделать это за меня. Боли сейчас меня покинули, и лежа я могу работать. <...> Мой адрес: Лиговка 4, Евангелическая больница, Мариинский барак» (без даты. *Аменицкая Е. Д.* № 38, л. 18–19 об.). Значительная часть писем Аменицкой наполнена оправданиями и извинениями, а затем сожалениями о недочетах: «...боюсь долго сидеть, т<ак> к<ак> *ulcus ventriculi rotundum* <язвенная болезнь желудка. – *лат.*>, полученная как возмездие за злоупотребление рабочими часами, порою дает о себе знать. <...> Чтобы не было опечаток, надо было читать мне еще листы, посылаемые на сверку. Я так и хотела делать, но в видах ускорения печатания этого, как известно, мне не разрешили. Сколько мы все затратили сил на перевод, а он, ненасытный, требовал еще и еще» (без даты. *Аменицкая Е. Д.* № 38, л. 16–16 об.). Редакторская и корректорская работа с «Феноменологией духа» была закончена, видимо, в самом конце 1912 или начале 1913 г.

35

Июль 1912 г. Швейцария

Многоуважаемый Эрнест Львович,

очень хотелось бы знать, где Вы и как поживаете? Я сижу на берегу Женевского озера,¹ брожу путями Жан Жака Руссо и смотрю на *la nature*² его глазами. Мама предоставляет мне решать, что мы будем делать дальше, а меня влечет в две противоположные стороны: в Италию и в Германию. Надеюсь попасть в обе страны, разделив все свое время на 3 части. В Германии думаем проехать по Рейну и затем за-

сесть где-нибудь в Шварцвальде возле Фрайбурга. Уверяю Вас, Эрнест Львович, что это не ради Гессена,³ который должен быть там и губы которого Вам не нравятся, и даже не ради Риккерта,⁴ а чтобы посмотреть романтическую лесную Германию и остатки средневековой старины, которую я так хорошо себе представляю. Смотрю на карту и вижу, что из Киссингена во Фрайбург рукой подать, и размечталась, что как было бы восхитительно, если бы и Вы приехали к нам! Это совсем невозможно, Эрнест Львович? А то поехали бы с нами по Рейну, который Вы, впрочем, вероятно, прекрасно знаете, но ведь такие вещи не надоедают? Мне здесь очень хорошо и пока не хочется двигаться с места. Мы живем в маленькой деревушке, чудесно расположенной, и в простой таверне, которую отыскала Мама и в которой, однако, у нас две отличные комнатки с видом на озеро и с очень мягкими матрацами. Но только Швейцария меня не очень интересует – у них уж очень много равенства; даже ни одного великого человека они не изобрели, если не считать Руссо за великого. Сегодня с утра льет дождь, а потому я сижу за переводом Гегеля, который путешествует вместе со мною. Перевожу, а все еще не понимаю как следует, и не верю ему нисколько, так как думаю, что или «все существующее неразумно» и тогда понять его вовсе нельзя, или, если оно разумно, то понимать его должно было бы быть не так трудно.

Когда будет хорошая погода, я попросила здешних рыбаков взять меня с собою в озеро на ловлю рыбы, думаю, что это будет очень интересно. Рыбаки и местные земледельцы – это единственные люди, с которыми мы тут встречаемся, кроме, впрочем, одного немца, который иногда приезжает к нам из Лозанны. Никто мне не мешает бродить полдня одной по окрестностям, и я немножко начинаю отдыхать. Вот, Эрнест Львович, рассказала Вам решительно все о себе, не справляясь о том, насколько это может быть Вам интересно, с корыстным расчетом получить от Вас слова два в ответ и с маленькой надеждой увидеть Вас летом. Возможно ли это?

Мой адрес: Suisse, St. Sulpice près Lausanne, M-elle Miloradovitch chez Madame Raynal.

Сердечно преданная Вам

К. Милорадович.

Получили ли Вы «Бердяева», посланного мной из Москвы?

¹ 13 июля 1912 г. Е. Д. Аменицкая писала Э. Л. Радлову: «...вчера она <К. М. Милорадович> отправилась в заграничное странствование <...> недели на три: постоян-

ного местожительства у нее теперь нет. В августе она вернется. Сегодня я получила от нее прощальное письмо, где она пишет, что очень жалеет, что ей не удалось повидаться с Вами» (*Аменицкая Е. Д.* № 40, л. 54–54 об.). 3 авг. она сообщила, что К. М. Милорадович вернулась из-за границы 1 авг. (*Аменицкая Е. Д.* № 40, л. 60 об.).

² природа (*фр.*).

³ *Гессен Сергей Осипович (Иосифович)* (1887–1950) – философ, педагог, публицист; член ПФО; соредактор журн. «Логос»; с 1922 г. в эмиграции.

⁴ *Риккерт Генрих* (1863–1936) – немецкий философ, проф. Фрайбургского университета в 1896–1916 г. С. И. Гессен перевел книги Г. Риккерта «Философия истории» (СПб., 1908) и «Науки о природе и науки о культуре» (СПб., 1911), а также несколько статей для сборников «Новые идеи в философии».

36

Конец лета–начало осени 1912 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,
я сегодня отобрала все корректуры у Ек<атерины> Дм<итриев-
ны> и буду их исправлять ускоренным темпом. Она мне разрешила
также вести корректуру ее статьи, т<ак> к<ак> ей самой это не под силу.

Поэтому, пожалуйста, не беспокойтесь!!!

Преданная Вам
К. Милорадович.

37

8 июня 1913 или 1914 г. Щелканово (?)

8 июня

Многоуважаемый Эрнест Львович,
сердечный привет Вам из деревни. Я все-таки уехала, хотя и не-
надолго, и к концу месяца стремлюсь опять в Питер, который есть
единственный хороший город в мире. Была в Полтаве, где виделась
с «Вашей» Зинаидой, которая шлет Вам сердечный привет, так же,
как и я. Надеюсь, что Ваше поэтическое и философское творчество не
заглохло.

Сердечный привет всем Вашим.

Все та же преданная Вам
К. Милорадович.

Июнь 1913 г. Щелканово

Многоуважаемый и дорогой Эрнест Львович!

очень хочется знать: как Вы поживаете? Как Вы перенесли многочисленные свадьбы в Вашем семействе?¹ Пишете ли и здоровы ли?

Я по обыкновению здорова и счастлива. Играю ежедневно в бильярд, а завтра ухожу на три дня в «Тихонову пустынь» за 35 верст отсюда.² Мама вечно принуждена обо мне беспокоиться.

Обещала Ек<атерине> Дм<итриев>не приготовить за лето кое-что для осуществления нашего будущего книгоиздательства, которое называется «Цельное знание» и должно быть посвящено, по Вашему совету, религиозной философии, а также этике, эстетике и философии истории. Но когда вокруг так восхитительно пахнет, я не могу работать, и страдает, по обыкновению, одна Ек<атерина> Дм<итриев>на.³

Начала изучать английский язык с моей теткой, которая его отлично знает.⁴ Очень мне интересно: прочли ли Вы и одобрили ли тот мой маленький доклад о времени, который Вы перед моим отъездом велели мне обработать?⁵ Меня эта обработка, т. е. ее мысль, интересует. Все-таки в жизни я, видимо, всегда главным образом буду лентяем и мне немножко стыдно, что я так много получаю от Вас и от других людей, т<ак> к<ак> ведь те размышления, которыми я занимаюсь, гуляя в лесу, никому не нужны. Но беда в том, что мне так очень хорошо.

Если Вам очень скучно писать несколько слов о себе, то я уж подожду до осени. Но меня немножко ввело в беспокойство то, что пишет Ек<атерина> Дм<итриевна>, т. е. что о Вас никто ничего не знает.

Будьте же здоровы все и передайте мой искренний привет и поклон Вере Александровне и Ольге Александровне.

Сердечно преданная Вам

К. Милорадович.

Почт. ст. Щелканово Калужской губ. Имение Ярошенко.

¹ Н. Э. Радлов в 1912 г. женился (первый брак) на художнице Эльзе Яковлевне Зандер (1888–1924); 23 дек. 1913 г. у них родилась дочь Лидия. Н. Э. Радлова в мае 1913 г. вышла замуж за филолога Бориса Васильевича Казанского (1889–1962). Члены кружка, видимо, были приглашены на свадьбу. 11 июня 1913 г. Е. Д. Аменицкая писала Э. Л. Радлову: «Мне очень жаль, что я не могла приехать на Ваш семейный праздник, хотя я была в это время в Петербурге. Не была просто из-за отсутствия подходящего костюма, ибо давно уже хожу исключительно в темных платьях, между тем на

свадьбу в таких не принято являться. <...> Ксения Мих<айловна> не могла быть, т<ак> к<ак> уже уехала в Полтаву 27-го; она Вам уже, наверно, писала, я же пока не имею от нее никаких вестей» (*Аменицкая Е. Д.* № 40, л. 69–69 об.).

² Свято-Тихонова Успенская пустынь, мужской монастырь Успения Пресвятой Богородицы – монастырь в 18 верстах от Калуги; основан в XV в. преподобным Тихоном Медынским на предположительном месте легендарного «стояния на реке Угре» (современное название населенного пункта – Село Льва Толстого).

³ Е. Д. Аменицкая писала Э. Л. Радлову 11 июня 1913 г.: «<Этим летом> Должна также кое-что сделать для задуманного с Кс<енией> Мих<айловной> издания, но не знаю, что у нас еще выйдет. Беда в том, что в целом ряде вопросов мы не сталкивались между собою, между тем на формальном принципе, как цельность знания, работу в известном смысле целостную не построишь. Мне хотелось бы дать ряд таких работ, где всесторонне освещались бы все уголки, в которых философия соприкасается с жизнью, где происходит их сплетение и взаимодействие. Соответственно этому, на мой взгляд, должен быть подобран материал» (*Аменицкая Е. Д.* № 40, л. 69 об.–70).

⁴ Вероятно, имеется в виду Елизавета Платоновна Ярошенко.

⁵ Вероятно, имеется в виду статья К. М. Милорадович «Два учения о времени: Канта и Бергсона».

39

Июль–август 1913 г. С.-Петербург (?)

Многоуважаемый и дорогой Эрнест Львович,

спасибо Вам за ласковое письмо, которое я получила только сегодня, т<ак> к<ак> мне не переслали его за границу, куда я таки успела сбежать на 2 ½ недели.

Я так и чувствовала, что у Вас что-нибудь неладно и что Вы чем-то встревожены. Но только ведь, Эрнест Львович, то, что происходит у Вас, – это вещь почти неизбежная, хотя и очень тяжелая для близких. А главное, я убеждена, что нет на свете такого резона, который повлиял бы в этом случае. Я думаю даже, что это так и быть должно, что это хорошо. Или, может быть, Вы недовольны избранниками Ваших детей? Это, конечно, было бы очень тяжело. Но мне всегда казалось, что роль отцов, матерей и всех, кто подобно им любит совершенно бескорыстно, заключается в том, чтобы быть всегда открытым убежищем в случае неудачи, разочарования и горя, а в случае удачи и счастья – стоять в стороне и любоваться ими издали.

Мне всегда казалось, что всякая большая привязанность есть подвижничество сердца, совершенно никому не видимое, иногда до нестерпимости тяжелое.

Простите, что я позволяю себе рассуждать на эту тему. Но это мысли, которые не только продуманы целою жизнью, но и прочувствованы моим «холодным» сердцем.

Спасибо, что не сердитесь. Что касается систем двух императоров – древнего и современного, – то мне кажется, что Вы с успехом можете применять современную систему, т^ак^ак мы уже дошли до того, что любим Вас, даже когда вы подымаете на нас дубину, хотя это не значит, конечно, что мы не подыдем из-за этого гвалт. А я, кроме того, и боюсь Вас до смерти.

Передайте мой сердечный поклон Вере Александровне и Ольге Александровне, а также Вашей дочери, которая мне очень нравится.

Всей душой преданная Вам
К. Милорадович.

40

1913 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,
будьте покойны: я уже отправила «Гипотезу»¹ Соколовскому.²
Сердечно преданная Вам
К. Милорадович.

¹ Статья К. М. Милорадович в НЭСБЕ (Т. 13. <1913>. Стб. 573–575; подпись: «К. М–ь»).

² Неизвестное лицо; возможно, сотрудник типографии.

41

1913–1914 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,
посылаю Вам статью о психологии в средней школе. Не уверена в том, что Вы ее примете, т^ак^ак Вы увидите, что во время писания я переменила свое мнение на диаметрально противоположное и, может быть, неприятное Министерству народного просвещения, которое я, впрочем, не ругала.

Приехала Зин<аида> Амвр<осиевна>. Хотела на первых же днях навестить Вас, но сразу же заболела, и доктор не велит ей выходить. Если бы Вы захотели несказанно нас обрадовать, то Вы бы приехали к нам сами..... а если бы захотели обрадовать еще несказаннее, то предупредили бы об этом заранее, чтобы мы могли позвать и Екатерину Дмитриевну. Таким образом, Вас встретили бы три любящие сердца и самовар чаю.

Сердечно преданная Вам
К. Милорадович.

42

Лето 1914 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

горяче спасибо Вам за заботу. Так мне стыдно, что все Вас беспокою. Конечно, мы будем очень благодарны, если Вы поговорите с Кулаковским¹ и вообще с кем найдете нужным.

Говорят, что Кулаковский близок с попечителем Варшавского учебн<ого> округа.²

Еще тысячу раз благодарю.³

С сердечным уважением,
К. Милорадович.

¹ Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919) – историк и филолог-классик, византист, археолог, педагог; проф. Киевского университета, чл.-кор. Академии наук, председатель Исторического общества Нестора Летописца, член Попечительного совета Киевского учебного округа; член Русского Собрания и Киевского клуба русских националистов. Э. Л. Радлов был давно знаком с Ю. А. Кулаковским, состоял с ним в регулярной переписке, касавшейся в основном вопросов деятельности Министерства народного просвещения и публ. статей Кулаковского в ЖМНП (более 250 писем Ю. А. Кулаковского за 1898–1918 гг. – РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 827–831). Радлов был хорошо знаком и с его старшим братом Кулаковским Платоном Андреевичем (1848–1913) – историком и филологом-славистом, педагогом и публицистом, товарищем председателя СПб. Славянского благотворительного общества, отцом участницы «радловского кружка» Н. П. Муретовой.

² Попечителем Варшавского учебного округа в 1914 г. был Григорий Васильевич Левицкий (1852–1917).

³ Речь в записке идет о помощи Э. Л. Радлова З. А. Ефимовской в поисках места в Киевском учебном округе. Подробности проясняются в письме Ефимовской: «Дорогой Эрнест Львович! Вы позволили Вам написать из Киева, и я это и делаю. Хоть

и совестно, а надо еще побеспокоить Вас. Пока я хожу целые дни по гимназиям и педагогам, согласно указанию Перетца. Он был сначала заносчив, а в конце концов любезен, и сделал, что мог. Но это принесло мне мало пользы. Киев чужих не любит, а в Округе имя Перетца может иметь скорее отрицательное значение. Поэтому очень Вас прошу, напишите несколько слов обо мне Ю. А. Кулаковскому, чтобы он напомнил обо мне в Округе», – и далее о разговоре с помощником попечителя Киевского учебного округа С. В. Певницким: «он сказал, что желательна рекомендация местных лиц; тогда, имея в виду Ваше предложение написать Юл<иану> Андр<еевичу>, я сказала, что Кулаковский, наверно, даст мне требуемую рекомендацию», – и чуть ниже упоминается возможность знакомства Ефимовской с Ю. А. Кулаковским «в доме покойного Платона Андр<еевича>». Заканчивается письмо припиской: «А знаете, что сказал о Вас Перетц? “Эрнест Львович пользуется моральным авторитетом и влиянием в разных кругах, независимо от их политических направлений”. Мне было так приятно это слышать» (*Ефимовская З. А. Л. 12–12 об.*). *Перетц Владимир Николаевич (1870–1935)* – филолог, историк литературы, фольклорист, текстолог, палеограф; академик; проф. Киевского и Саратовского (1914–1917) университетов.

43

17 июля 1914 г. С.-Петербург¹

Многоуважаемый и дорогой Эрнест Львович, спасибо большое за помощь, я очень обрадовалась, увидев Ваш почерк. Я очень, очень соскучилась по Вас, но приехать теперь никак не могу. Я завалена корректурами. Мне теперь посылает Колубовский корректуры «Журнала <МНП>» (по моей просьбе) за отъездом корректорши, затем, наконец печатается наш сборник, который я тоже корректирую.² Затем, я взялась написать тысячу статей для какой-то газетки, которая обещала меня обогатить,³ – одним словом, никак нельзя.

Дорогой Эрнест Львович, верьте моим самым горячим и нежным чувствам, но не зовите меня на дачу! Меня зовут в четыре разных места, но я никуда не еду. Сердечный привет Вашим.

Сердечно преданная Вам
К. Милорадович.

¹ Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

² Имеется в виду «Современные течения религиозно-философской мысли во Франции» – первый сборник «Цельного знания».

³ О работе К. М. Милорадович для какой-либо газеты ничего не известно.

1914 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

я всегда была большой поклонницей Вашего крупного поэтического таланта (хотя <i>и</i> к Вашей философии никогда не относилась скептически) и очень тронута тем, что Вы подарили меня Вашим чудным последним произведением.¹ Больше всего на нем отразилось влияние футуризма (напр<имер>, в слове «строчители»), но в построении стиха чувствуется положительно что-то Пушкинское. Я думаю, что это стихотворение следует поместить как эпиграф к нашему сборнику, объяснив, что мы никогда не сбежим, подобно Гедалию.²

Но я все же не отказываюсь и от обещанного Вами философского произведения.

С искренней благодарностью сердечно преданная
К. Милорадович.

¹ Э. Л. Радлов относил свои стихи к разряду иронической домашней поэзии и никогда их, насколько нам известно, не публиковал. Упомянутое ниже стихотворение в его архиве не обнаружено.

² Вероятно, в стихотворении упоминался Гедалий (Гдаль, библейская форма – Гедалия) Абрамович Котляр в связи с прекращением в 1914 г. выпуска серии «Новые идеи в философии». Отметим, что сам Радлов в автобиографии упоминает 18 подготовленных сборников, в то время как из печати вышло только 17. Аналогичные серии («Новые идеи в физике», «Новые идеи в педагогике» и др.) выходили до середины 1916 г., а некоторые возобновились в нэповских условиях 1920-х гг. (см.: Каталог изданий за 15 лет: 1909–1924 / Культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование». Л., 1925. Далее: Каталог «Образование»; см. также: *Дмитриев А. Н.* «Новые идеи» и дисциплинарные традиции: переводческие и публикаторские стратегии издательства «Образование» в 1910–1920-е годы // *Cahiers du Monde Russe*. 2015 (в печати)). Сам Г. А. Котляр впоследствии так объяснял произошедшее: «Разразившаяся в середине 1914 г. мировая война нанесла очень сильный удар работе издательства; продажа книг сразу упала на 90 %. Это обстоятельство значительно затормозило и редакционную работу издательства, которая и стала все более и более замирать и к концу шестнадцатого года совершенно приостановилась» (Каталог «Образование». С. 8). Вероятно, этот процесс был достаточно болезненным и для издательства, и для авторов, что приводило к взаимным неудовольствиям. Пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность Александру Николаевичу Дмитриеву за возможность ознакомиться с его статьёй в рукописи и ценные замечания.

Вторая половина 1914 г. Петроград

Многоуважаемый и дорогой Эрнест Львович,

я чувствую, что веду себя по отношению к Вам совсем безобразно, и Вы были бы внешним образом совершенно правы, если бы когда-нибудь встретили меня словами: «Что вам здесь угодно?!». Но это была бы только внешняя правда. Я не иду к Вам, конечно, не потому, что я «занята» – я совсем ничего не делаю. И не потому, чтобы разлюбила Вас, – мне кажется, что этого быть не может. А потому, что в этом году я чувствую себя до того нравственно больною, что мне кажется лицемерным всякое слово, сказанное с людьми, потому что если бы я не лицемерила, то я бы только плакала. В голове пустота, в душе смута, а в сердце боль. И мне лучше никого не видеть. Это, конечно, пройдет – это всегда проходит, т<ак> к<ак> по природе я человек веселый. Надо только подождать. Так не сердитесь же на меня, не думайте обо мне «по-Платоновски» (не от Платона, а от Платоновых) и не прогоните меня впоследствии, когда я к Вам приду.

На днях было собрание у Струве¹ – попробую, если смогу, принять участие в сборнике «о смысле современной войны»² – который Вы отрицаете. Все слушаю – не скажет ли мне кто-нибудь что-нибудь умное об этом, т<ак> к<ак> сама я думаю что-то очень смутное.

Будьте здоровы, Эрнест Львович, и не браните преданную Вам К. Милорадович.

¹ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – историк, философ, публицист, обществ. и полит. деятель; редактор журн. «Русская мысль», один из вдохновителей и организаторов сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918); с 1919 г. в эмиграции.

² О собрании «сотрудников “Русской мысли” и идейно-близких людей», посвященном обсуждению «”смысла” или ”оправдания” войны», состоявшемся осенью 1914 г. на квартире П. Б. Струве, писал С. Л. Франк. К. М. Милорадович среди участников не названа, но упоминается Д. Д. Муретов, который был давно знаком со Струве (Струве был крестным дочери Муретовых, см.: Шманкевич А.). Впрочем, чуть ниже Франк пишет: «В течение этих военных годов П. Б. устраивал многократно и более тесные собеседования близких единомышленников, и более широкие собрания, посвященные темам внешней и внутренней политики» (Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 105).

Осень 1914–1916 г. Петроград

Многоуважаемый Эрнест Львович,

Вы поймете, что в таком виде мне не хочется показываться перед Ваши светлые очи. Судьба меня решительно преследует, но я ее надеюсь победить.

Мне очень весело в лазарете.¹

К. Милорадович.

¹ К началу 1914/15 учеб. года. ВЖК планировали закончить строительство нового здания (Средний пр. В. О.; с комплексом зданий ВЖК на 10-й линии оно соединено переходом внутри квартала), в котором должен был разместиться Физико-химический институт ВЖК им. В. П. Тарновской. После начала войны здание было безвозмездно предоставлено городским властям для устройства лазарета, попечение над которым курсы взяли на себя. «К работе в лазарете <...> примкнули педагогический и служебный персонал Курсов, слушательницы, члены Комитета и многие лица, так или иначе связанные с Курсами. Весьма ценным для лазарета явилось участие в деле специалистов. Персонал химической лаборатории принял на себя ведение дела в аптеке; в рентгеновском кабинете работали курсовые физики, причем для кабинета были предоставлены имевшиеся на Курсах препараты. И для всех других отраслей дела в лазарете: хозяйства, канцелярии, патронажа, устройства занятий и развлечений раненым – работники нашлись на Курсах» (Отчет ВЖК за 1914–1915 г. С. 20). В письме к И. А. Шляпкину от 3 янв. 1915 г. К. М. Милорадович писала: «...к несчастью, мне теперь приехать невозможно, потому что я сестра в лазарете (без нас все по-прежнему, вода не освятится и нам всюду нужно сунуть нос и сказать, что и мы пахали)» (Письмо Милорадович К. М. Шляпкину. № 1804. Л. 21). Ср. в письме Е. Д. Аменицкой Э. Л. Радлову от 22 февр. 1915 г.: «Ксению Мих<айловну> совсем не вижу – она совсем ушла в обязанности сестры милосердия...» (Аменицкая Е. Д. № 40, л. 79).

Около 22 марта 1915 г. или 10 апр. 1916 г. Петроград

Дорогой Эрнест Львович,

сердечно поздравляю Вас с праздником Христовым:¹ я не знаю, хватит ли у меня пороку зайти к Вам самой, а потому пишу пока, чтобы Вы не думали, что я Вас забыла.

Я чувствую себя такой абсолютно несчастной, так мне в первый раз в жизни совсем не хочется жить, так я переполнена нестерпимым отвращением ко всему окружающему, ко всей этой разнузданной общественности, что совсем искренно не знаю, как же я буду жить дальше?

Простите, что пишу Вам то, чему Вы помочь не можете. Я только хотела Вам сказать, почему не иду к Вам.

Где-то в газете были написаны стихи, которые я приняла на свой счет:

«Не могу я жить без палки,
За неделю тенью стал».

Будьте же здоровы. Передайте мое поздравление Вере Александровне и Ольге Александровне. Мама шлет Вам привет.

Я все-таки еще чувствую что-то теплое к людям.

Сердечно Вам преданная

К. Милорадович.

¹ Пасха в 1915 г. праздновалась 22 марта, в 1916 г. – 10 апр.

4 авг. 1916 г. Валк

4-ое августа.

Дорогой Эрнест Львович,

наконец-то я осела после долгих скитаний и хочу сказать Вам несколько теплых слов. На войну я не попала, а попала в город Валк¹ Лифляндской губ. (Союз Городов Сестры К<сенин> М<ихайловны> М<илорадович>), где живу, как на даче. Работы тут немного, а местоположение чудесное. Из Питера я уехала совсем больная и душою

и телом и долго не могла прийти в себя. Но потом мне пришлось прожить две недели в Пскове, где ни я не знала ни одного человека, ни меня никто не знал, и дела у меня не было, а это для меня лучшее лекарство. Я так отдохнула, так оправилась, что чувствую себя совсем новой и опять в сотый раз счастливой (надолго ли?). Здесь, в Валке, я встретила неожиданно очень старых друзей, которых не видала уже лет 10 – одним словом, мне тут пока хорошо. Пишу Вам все это потому, что Вы хотели знать обо мне, и потому еще, что когда я бываю такая гадкая, какой я была последнее время в Питере, то мне потом перед Вами хочется извиняться, хотя Вы, вероятно, и не заметили. О философии я и думать забыла, т^{ак} что Вам пока не грозит никаких новых статей с моей стороны. Впрочем, когда приеду в Питер, то не ручаюсь, что не вспомню о ней опять. Я слыхала, что Вы были больны, Эрнест Львович, но слыхала об этом тогда, когда Вы уже поправились, а потому не писала Вам. Хотела написать тогда, когда буду иметь уже определенное место жительства.

Если Вы захотите написать мне два слова, буду очень рада, только не пугайте меня суровостью, а то я ведь Вас всегда боюсь в таких случаях.

Пожалуйста, напишите хорошую философскую статью и несколько лирических стихотворений (только таких, которые можно читать вслух в присутствии дам из высшего общества). Мне очень хочется опять встретиться с Вашей музыкой.

Будьте здоровы и, пожалуйста, любите немножко преданную Вам К. Милорадович.

¹ Валк – уездный центр и крупный ж. д. узел в Лифляндской губ. (сейчас разделен на две части, ставшие самостоятельными городами: Валга в Эстонии и Валка в Латвии).

30 сент. 1916 г. Петроград¹

Многоуважаемый Эрнест Львович, заходила поздравить Вас и Ваших, но не застала Вас дома. Очень хотела прийти вчера, но заболела – жар у меня вероятно оч^{ень} большой – совсем не стою на ногах. Когда поправлюсь – приду. Чем это Вы, Эрнест Львович, напугали всю публику – Ек^{атерину} Д^{мит}

риев>ну и Зину – идут к Вам со страхом, говорят: а ну как он встретит сурово? А я не верю в Вашу суровость. Вы ведь притворяетесь, не правда ли? Просто устали, надоело все и т. д.² Примите же мое поздравление и передайте его Вере Александровне и Ольге Александровне. Мама шлет Вам привет.

К. Милорадович.

Приду.

¹ Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

² Ср. в письме З. А. Ефимовской к Э. Л. Радлову: «Я не могу уехать, не повидав Вас, и потому прошу разрешить мне зайти без Вашего приглашения на ближайших днях <...>. Я здесь уже около 3 недель, и мне стыдно, что до сих пор не была у Вас. Сначала была в дурном настроении, а Вы сказали, что такой меня не любите, а потом со всех сторон слышала, что Вы сурово пишете, сурово говорите <...>. Пожалуйста, не встречайте меня сурово – я на этот счет такой трус – и приду одна, вероятно; с Кисой трудно сговориться, у меня же много дела в этот приезд». *Ефимовская З. А. Л. 7–7 об.* «Киса» (образовано от первых букв имени «Ксения») – так К. М. Милорадович называла З. А. Ефимовская; так же подписано несколько писем Милорадович к И. А. Шляпкину.

50

7 июня 1917 г. Румынский фронт

7 июня¹ 1917

Многоуважаемый и дорогой Эрнест Львович,

попробую-ка я написать Вам письмо, хотя из этой забытой Богом страны, кажется, никакие вести не доходят или доходят через месяц. Странствовала я ужасно долго, пока наконец добралась до места своего назначения, название которого написать Вам не решаюсь, во избежание цензурного неудовольствия. Была я в Киеве, была я в Одессе, насмотрелась и наслушалась и налюбовалась той изумительной кашей из мнений, желаний и упований, которую являет собою Российское государство. Наконец, попала в Румынию,² где румын не слышно и не видно, т<ак> к<ак> и тут в полной мере распоряжаются наши. Посидела около Управления, где царствует Дм<итрий> Дм<итриеви>ч Муретов, но скоро соскучилась и была назначена в отряд, от которого немцы стоят в 5-ти верстах. Но и тут меня не оставили в покое, а послали в ближайший уездный городок, приготовить операционную и перевязочную для будущего наступления (хотя для меня далеко не ясно, кто будет наступать, мы или на нас), чем я сейчас и занимаюсь.

Мы живем в здании школы втроем с другой сестрой и студентом – братом милосердия. С помощью санитаров моем полы и окна, штукатурим, проводим электричество, набиваем матрацы и т. д. Когда это будет кончено, меня призовут обратно в отряд. Если бы у меня не было так окончательно грустно на душе, то мне было бы весело такое времяпрепровождение. Тяжело очень только, что никакие вести сюда не доходят вовремя – особенно это меня беспокоит по отношению к Маме. Если только найду немного свободного времени и хороший уголок в природе – попробую философствовать, чтобы понять: совсем ли убила мою душу русская революция или что-нибудь в ней еще осталось. Впрочем – правда, Эрнест Львович? – пока что-то очень болит, до тех пор, значит, живешь. Слава Богу, что болит. Адрес мой: Действующая Армия, 9-ая полевая контора, 4/5-ый Балканский хирургический отряд. Сестре К<сени> М<ихайловне> М<илорадович>. Напишите мне – мне надо сейчас, чтобы меня немного любили.

Сердечно преданная Вам

К. Милорадович.

Искренний привет всем Вашим.

¹ Слово «июня» написано поверх «мая».

² Румыния вступила в войну на стороне России и стран Антанты в августе 1916 г., и уже к концу года ее армия оказалась практически разгромлена, а большая часть территории страны, включая Бухарест, была оккупирована австро-германскими войсками. В декабре 1916 г. на южном крыле русско-германского фронта был образован Румынский фронт, в который вошли 4 русские армии и остатки румынских войск. Наступление противника было остановлено на р. Серет (совр. русское название – Сирет). Фронт стабилизировался до лета 1917 г.

51

18 июля 1917 г. Румынский фронт

18-ое июля 1917.

Многоуважаемый и дорогой Эрнест Львович,

очень я была рада получить весточку от Вас, хотя она по обыкновению скупа на слова. В Питере у Вас, судя по редким доходящим до нас газетам, – ад настоящий, и я не завидую Вам, принужденному проводить там лето. Я думаю, что теперь и Екатерина Дмитриевна должна была улыбаться, что не так-то легко эту беду руками развести, как она воображала, и что вся их организаторская работа медного

гроша не стоит перед разгулявшейся стихией. Да, Эрнест Львович, конечно, мы все лишние сейчас; нам только и можно смотреть и ждать – и это мучительно тяжело. Что-то в крови, что-то в глубине сердца не верит в окончательную гибель России – не верит любовь. Будем жить пока ею. Что касается меня, то я живу в маленькой Румынской деревушке над обрывом, под которым протекает Серет, а за ним находятся линии наших и немецких окопов. Третьего дня немцы воспользовались моментом, когда наши части сменялись, повели на нас наступление, но были отбиты нашим огнем. Т<аким> обр<азом>, мы не оскандалились, не в пример другим фронтам.¹ Гул орудий стоял непрерывный, и с нашей вышки были ясно видны разрывы снарядов. А т<ак> к<ак> в этот же вечер была гроза, то я не могла отличить грома от гула орудий. Грозная музыка. Первое время я нервничала до болезни, слушая ее. Теперь, кажется, чуть-чуть привыкла. Все стараюсь философствовать и в свободные минуты (которых, впрочем, немного) ношу под мышкой тетрадь. Но еще не могу настолько овладеть собою.

С нежностью вспоминаю Вас и Вашу милую семью. Иногда бывает такая тоска по миру, по тишине. Кажется, так далеко то время, когда у Вас за круглым столом можно было философствовать со спокойной душой. Передайте мой сердечный поклон Вере Александровне, Ольге Александровне и Наталии Эрнестовне.

Сердечно преданная Вам
К. Милорадович.

О Зине ничего не знаю; на свое письмо к ней ответа не получила.

¹ Активные боевые действия были возобновлены 9 (22) июля 1917 г. наступлением румынских и русских войск на Фокшанском направлении; был прорван фронт противника, захвачены пленные и орудия. Однако уже 14 (27) июля наступление было остановлено по приказу А. Ф. Керенского в связи с неудачами наступления на Западном и Юго-Западном фронтах. Вскоре после этого германские части повели контратаки; упорные бои продолжались до первых чисел августа, после чего фронт вновь стабилизировался до конца войны.

<...> которая придет в свое время, когда Россия переболеет всеми своими болезнями и преступлениями. Я знаю, что это будет нескоро и что еще нам придется пережить многое.

У меня очень много работы с больными, но голова такая ясная, как никогда, т<ак> что, урывая минутки, я написала одну статью. Не посылаю ее Вам, потому что она политическая и определенно черная, т<ак> что Вам для журнала не годится. Попробую пристроить ее другим способом.² Работать по философии нет времени, но я все время думаю о ней. Как видите, я немножко довольна собою, Эрнест Львович, – это редко со мною бывает, и не знаю, надолго ли. Довольна бываю тогда, когда душа остро принимает и боль и радость, когда нервы хорошо на все отзываются. И ужасно боюсь тех моментов, когда тупею и перестаю чувствовать. Если бы Вы знали, как я всех вас здесь люблю, как мне хочется видеть вас, знать о вас – о Вас, о моих двух любимых, оставленных в Питере, еще о Зине Ефимовской, о которой ровно ничего не знаю, о Шляпкине³ и еще о немногих. Здесь, в 40-ка верстах от меня, в городе Романе⁴ живут Муретов и Селиханович с женою. Муретовым я сейчас недовольна: он меня не удовлетворяет «политически», и я внутренне живу совсем одна. Но это так хорошо – природа вокруг меня. Живу у румынских крестьян и сейчас, если высунуть нос из моей холодной конурки, в которой я кашляю, то на меня глянет лунная-лунная ночь. А звезды такие крупные, почти как апельсин. Напишите мне. Адрес: Действ<ующая> Арм<ия>, Штаб 2-го армейского корпуса. В Балканский 4/5 хирургич<еский> отряд. Сестре К<сении> М<ихайловне> М<илорадович>.

Сердечный поклон Вере Алекс<андровне> и Ольге Алексан<дровне>, а также Наталии Эрнестовне – впрочем, Мама говорила, что ее нет с Вами.

Душевно Ваша
К. Милорадович.⁵

¹ Начало письма отсутствует.

² Речь идет, вероятно, о «Черной критике...» – см. вступ. статью.

³ В собрании И. А. Шляпкина в РО ИРЛИ писем от К. М. Милорадович за 1917 г. не обнаружено.

⁴ Роман – город в ближнем тылу Румынского фронта; сейчас – центр жудеца Нямц Румынии.

⁵ 27 янв. 1918 г. К. М. Милорадович написала И. А. Шляпкину открытку, в которой, в частности, говорилось: «Я только что вернулась с Румынского фронта, где пробыла около 7-ми месяцев. Побывала в боевой обстановке и во всяких переделках. Сейчас настроена бодро и воинственно. Хочу знать все обо всех. <...> Как жаль, что уже влопался А. А., но, кажется, он молодец. Вообще, мне гораздо больше нравится страдательное положение» (Письмо Милорадович К. М. Шляпкину. № 1804. Л. 16). «А. А.» – вероятно, Громов Александр Александрович (1881–1937) – ученик и помощник И. А. Шляпкина, арестовывавшийся в ноябре 1917 г. и затем в январе 1918 г.

Конец декабря 1918–начало января 1919 г. Петроград

С Новым Годом, дорогой Эрнест Львович!

Желаю Вам сдобного слоеного пирога с вареньем и приятного аппетита.

Затем сообщаю Вам, что, желая быть достойной Вас ученицей, я пишу гениальное произведение, называемое «Введением в философию»,¹ и мне хочется возложить на Вас тяжелую обязанность сказать мне горькую правду о том, что оно никуда не годится. Однажды Вы уже сказали мне нечто в этом роде (и это принесло мне большую пользу) в самом начале нашего знакомства, когда я плакала у Вас за печкой. Теперь я за печкой плакать больше не буду, т<ак> к<ак> у меня есть еще и другое содержание в жизни кроме философии (я все пишу меню будущих обедов), а кроме того, если мое произведение не пригодится для человечества, то оно во всяком случае нужно для меня, чтобы дать себе отчет в своих философских воззрениях.

Ввиду всего этого не назначите ли Вы мне время, когда я бы могла прийти прочитать Вам «Введение во Введение».

У меня наконец будет немного свободного времени, и мне хочется разок провести его с Вами как следует в духовном общении. Мож<ет> б<ыть>, и Вы поделитесь со мной кое-чем Вашим. Я бы хотела только не поздно вечером, чтобы мне не запаздывать с возвращением домой.

Есть у меня и еще расчет, что Вы мне по обыкновению поможете в одном предприятии. Всегда все мне удавалось, что делалось через Вас, а сейчас очень хочется.

Получила весть от З. Ефимовской. Она беспокоится, живы ли мы еще тут, и справляется о Вас.

Жду ответа по адресу: В<асильевский> О<стров>, 19 лин., д. 8, кв. 24. Т<е>л<е>ф<он> 553-05.

Будьте здоровы и счастливы, насколько это доступно человеку в Северной Коммуне.²

Сердечно преданная Вам

К. Милорадович.

¹ Название представляется неслучайным. В 1919 г. в издательстве «Наука и школа» было начато несколько серий с общим заголовком «Введение в науку»; предпола-

галась и философская серия. Вероятно, Милорадович пыталась соответствовать общей тенденции составления кратких популярных «введений» или надеялась предложить свою работу издательству. Первым выпуском серии «Введение в науку: Философия» под ред. Л. П. Карсавина, Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова стала книга Радлова «Введение в философию» (паронимия заглавий породила библиографическую путаницу, существующую, к сожалению, до сих пор); в предисловии «От редакции» говорилось: «Всего предполагается 11 вып.: Вып. I: “Введение в философию” Э. Л. Радлова; Вып. II: “История философии на Западе и в России” А. Я. Маковельского, И. В. Попова, Л. П. Карсавина, И. И. Лапшина, С. А. Алексеева (Аскольдова); Вып. III: “История философии Востока” О. О. Розенберга; Вып. IV: “Метафизика и натур-философия” Н. О. Лосского; Вып. V: “Гносеология” С. А. Алексеева; Вып. VI: “Логика” С. И. Поварнина; Вып. VII: “Психология” Г. И. Челпанова; Вып. VIII: “Этика” Э. Л. Радлова; Вып. IX: “Эстетика” И. И. Лапшина; Вып. X: “Философия религий” С. А. Алексеева; Вып. XI: “Философия истории” Л. П. Карсавина» (Радлов Э. Л. Введение в философию. Пг., 1919. (Введение в науку: Философия; Вып. I). С. 3–4). Впоследствии вышли сб. V (в 1919 г.), VI и VIII (оба в 1921 г.). В 1922 г. издатель А. С. Каган был выслан из России, а серия прекращена. Возможно, упомянутая работа К. М. Милорадович относится к переданным позднее З. И. Гржебину («учебник Психологии и “Что такое наука”» – Милорадович К. М. Анкета. Л. 1).

² Северная Коммуна (Союз коммун Северной области) – областное объединение, существовавшее на территории бывших Петроградской, Псковской, Новгородской, Олонекской, Вологодской и Архангельской, позднее также Череповецкой и Северодвинской губ. с мая 1918 по февраль 1919 г.

54

1918–1920-е гг. Петроград

Многоуважаемый Эрнест Львович,

я записала всю Вашу семью в бюро труда (2-ая лин., 7). Надо, чтобы кто-нибудь из вас зашел внести туда по 10 руб. членского взноса. Вас лично я записала в переплетную мастерскую, куда и Вы и я без труда попадаем по рекомендации Екатерины Дмитриевны, которая является главным лицом во всем предприятии.¹ Переплетная работает 4 раза в неделю от 4-х часов до 8-ми вечера в понедельник, вторник, пятницу и субботу.

Я сказала, что мы все начнем с понедельника. Выйдет презабавная компания и будет очень весело встречаться там.

Адрес переплетной: 6-ая лин., д. 43, кв. 11 (это возле Малого пр.). Реальное училище. Спросить заведующую Юрьеву.

В ожидании лучшего будущего остаюсь преданная Вам
К. Милорадович.

¹ Запись семейства Радловых в переплетную мастерскую была предпринята, вероятно, в связи с мероприятиями по осуществлению всеобщей трудовой повинности, проводившимися в Петрограде в 1918–1920 гг. Е. Д. Аменицкая, заведовавшая единой трудовой школой и подчиненными ей мастерскими, могла оказать реальную помощь в этом деле и была рада лишней возможности повидаться с друзьями. Ср. в ее письме к Радлову от 3 февр. 1919 г.: «Надеюсь в скором времени видеть Вас и Ксению Михайловну у себя в школе и побеседовать по философским вопросам» (*Аменицкая Е. Д.* № 40, л. 96).

55

2 июня 1920 г. Петроград¹

Спасибо, Эрнест Львович!

Простите, что задержала книгу. Почему-то тоска меня ест все это время – смеяться я что-то разучилась. Вот, разбогатев благодаря Вам, попробую кутить – мож<ет> б<ыть>, поможет. Сегодня пойду к Гржебину.

К. Милорадович.

Мне все хочется сказать Вам что-нибудь хорошее, а то кажется, что пересохли все источники в душе.

¹ Датируется на основании пометы рукой Э. Л. Радлова (?).

56

24 мая 1921 г. Петроград¹

1921 24/V²

Дорогой и многоуважаемый Эрнест Львович,

увы, О. А. Водозова³ желает сама переводить Гольбаха⁴ и уже начала эту работу. Пожалуйста, Эрнест Львович, подумайте, нельзя ли где-нибудь достать перевод и для меня?!?! Мне так нужно заработать миллион, что я готова была бы даже прочесть публичную лекцию о чем угодно – о боробе Конфуция или о влиянии капиталистического строя на учение об априорности пространства и времени у Канта.

Серьезно, подумайте, пожалуйста, обо мне. А если Вы подумаете, то непременно выйдет. А я потом опять около года буду сидеть смирно и не беспокоить Вас. Очень хочу в воскресенье прийти в Фил<ософское> общ<ество>, но не знаю, смогу ли, т<ак> к<ак>, вероятно, должна буду уехать на огород. Будьте добрый, Эрнест Львович, подумайте! Ведь мне деньги нужны для целого предприятия. Сердечно преданная Вам

К. Милорадович.

¹ Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

² Цифра 4 исправлена из цифры 2.

³ *Водовозова Ольга Александровна* (урожд. Введенская; 1882–1933) – историк, переводчица; дочь проф. А. И. Введенского; выпускница ВЖК (1903); жена юриста и публициста *Василия Васильевича Водовозова* (1864–1933); с 1926 г. с мужем в эмиграции; покончила с собой в Праге, на сороковой день после самоубийства мужа (см.: *Лосский Н. О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С. 265–266).

⁴ *Гольбах Поль Анри Тири* (Holbach; 1723–1789) – французский философ-энциклопедист, иностранный член СПб. Академии наук (1780). Сочинения П. Гольбаха, ввиду резкого материализма, критики религии и церкви, подвергались многократным запретам как во Франции, так и в России; после революции работа по систематическому переводу трудов П. Гольбаха на русский язык была предпринята в Москве под рук. А. М. Деборина, в 1924–1925 гг. вышло 5 отдельных изданий. В данном случае речь идет, вероятно, о переводе фрагментов сочинения П. А. Гольбаха «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного» для готовившейся «Хрестоматии по французскому материализму XVIII в.» (Вып. 1–2. Пг.: Прибой, 1923 (обл. 1924)). В хрестоматию были включены гл. 1–7, 11 и 13 (гл. 7 и 13 не полностью). В качестве титульного редактора и автора предисловия выступил И. С. Плотников. *Плотников Исаак Соломонович* (1888–1937) – коммунист с дореволюционным стажем; в январе 1918 г. назначен Главным комиссаром военного контроля (объединившего военную цензуру и почтово-телеграфный контроль); весной 1919 г. был освобожден от должности и отдан под суд за многочисленные нарушения закона, но отделался отстранением «от ответственной советской работы на один год» (см.: *Батулин П. В., Войтиков С. С.* Злоупотребление властью в органах Военного контроля. 1918–1919 гг. // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 46–55; авторы публикации называют его «первым разоблаченным коррупционером Советской России» – с. 55). С лета 1919 г. И. С. Плотников в РККА, с 1922 г. преподаватель общественно-политических дисциплин в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева, а также Военно-хозяйственной и Военно-медицинской академиях и ряде других учебных заведений (Наука и научные работники СССР. Ч. II: Научные учреждения Ленинграда. Л., 1926, по указ.); в конце 1936 г. арестован и приговорен к высшей мере наказания. В уведомлении «От составителей хрестоматии» (Вып. 1. С. 236) сообщается: «Все переводы отрывков из Гольбаха, Даламбера, Кондильяка и из “Трактата о душе” Ламетри сделаны для настоящего сборника И. Я. Колубовским и проредактированы И. С. Плотниковым»; аналогичное уведомление помещено и во втором выпуске, с дополнительным указанием, что фрагменты из Гельвеция взяты из перевода под ред. Э. Л. Радлова (с. 258; перевод «Об уме» К. А. Гельвеция, вышедший как т. 15 Трудов ПФО, был выполнен С. С. Меринг,

О. А. Давыдовой и О. Н. Анненковой). *Колубовский Игорь Яковлевич* (1894–1941) – философ, историк и библиограф философии, переводчик; сын Я. Н. Колубовского. Любопытную характеристику И. Я. Колубовскому дала Е. Д. Аменицкая в письме Э. Л. Радлову: «До чего он напоминает отца! Нет, он хуже отца, ибо он совсем беспринципен. В нем нет благородства, нет, увы!, и чувства собственного достоинства. И сколько в нем мелочности и расчетливости!» (предположительно 26 февр. 1924 г. *Аменицкая Е. Д.* № 38, л. 5 об.). – Больше никакие переводчики в хрестоматии не названы. Можно предположить, что О. А. Водовозова и К. М. Милорадович (все-таки принявшая участие в этом издании – см. ниже) сочли невозможным поместить свои фамилии.

57

Август–сентябрь 1921 г. Петроград

Многоуважаемый Эрнест Львович,
спасибо за заботу о Ваших старых ученицах. Прилагаю наши с Екатериной Дмитриевной curriculum-ы.¹

С Зиной вышло очень тяжело: пришлось поместить ее в больницу, так как ее очень тяжелая болезнь требует ухода, какого нельзя дать ей дома. У нее воспаление брюшины, и хотя, кажется, самая большая опасность миновала, но она еще очень больна. Ваши несколько теплых строк очень ее обрадовали.

То же, что Вы неласковы ко мне, – я беру на свою ответственность, и даже знаю причину этого, кроме Вашей «старости». Я помню, как Вы однажды два месяца сердились на меня за пропущенную запятую в корректуре. Теперь, после «Психологии», которая была удачной, Вы относились ко мне хорошо; но после отвратительной «Что такое наука» Вы почувствовали ко мне презрение. Боюсь, что перевод Гольбаха может только усилить это чувство, хотя его гораздо больше заслужил сам Гольбах, чем я.

Но я обещаю Вам написать когда-нибудь гениальное произведение, исключительно чтобы заслужить Ваше расположение, Эрнест Львович, которое мне тем дороже, чем Вы старше.

Сердечно преданная Вам
К. Милорадович.

¹ Э. Л. Радлов собирал анкеты своих учениц для учета их в комиссии «Наука в России» (впоследствии Комитет учета научных работников и изучения научных сил СССР – КУИНС) (см.: *Милорадович К. М.* Анкета); видимо, их данные он включал и в

списки на получение помощи по линиям Комиссии по улучшению быта ученых (Кубу, Цекубу), Американской администрации помощи (АРА) и пр. 26 февр. 1924 г. Е. Д. Аменицкая писала ему: «Дорогой Эрнест Львович, мне очень хочется поблагодарить Вас за то, что Вы не забыли включить меня в списки, предоставляемые в Американское Общество помощи. Я получила оттуда 3 саж<ени> дров, за которые и благодарю Вас. Каждый раз, когда я получаю что-либо из того, что полагается ученым, я неизменно испытываю неловкость от ясного сознания, что я же не ученый. Это же сознание побудило меня не заполнять анкету Кубу последний раз – так хорошо я чувствую, как мало сделано мною при условии довольно больших возможностей...» (Аменицкая Е. Д. № 40, л. 102).

58

9 октября 1921г. Петроград

Многоуважаемый Эрнест Львович,

на этот раз я должна Вам сообщить горькую весть: умерла моя Зинуша. Не ждала я, что она приедет ко мне только чтобы умереть.¹

Завтра, 10-го числа, в 5 ч. вечера в часовне больницы Марии Магдалины² будет панихида. Я сообщаю Вам об этом, но и я и Екатерина Дмитриевна очень просим Вас не приезжать. И мы и Зинуша, если бы она была с нами, ни за что не захотели бы, чтобы Вы рисковали простудиться.

Зинуша умерла очень хорошо. После операции она перестала страдать и была удивительно ласковой и примиренной. Последние 15 часов она была без сознания и только дышала – все тише и тише, пока не угасла.

У нее оказались поражены многие органы – по-видимому, очень давняя и запущенная болезнь. И после операции докторам было уже ясно, что спасения нет. Я и Зинина сестра Елена³ все время были при ней.

Погорюйте вместе с нами, дорогой Эрнест Львович, а мы с Ек<ате-риной> Дм<итриев>ной как-нибудь придем к Вам, когда немного опомнимся.

Сердечно Ваша
К. Милорадович.

¹ 12 окт. 1921 г. Н. Н. Платонова записала в своем дневнике: «Вчера похоронили на Смоленском кладбище бедную З. А. Ефимовскую, только что приехавшую сюда из Одессы: гнойное воспаление яичников, аппендицит и в результате гнойный перитонит. Бедняжка как будто нарочно приехала сюда, чтобы умереть среди близких, ведь в Одессе она была совсем одна» (ОР РНБ, ф. 585, № 5702, л. 39 об.).

² Больница св. Марии Магдалины (2-я линия В. О.), основанная в 1828 г. и относившаяся к Ведомству учреждений императрицы Марии, в 1918 г. перешла в ведение Комиссариата здравоохранения Союза коммун Северной области; в том же году ей присвоили имя Веры Слуцкой.

³ *Ефимовская Елена Амвросиевна* (1884–1942) – выпускница СПб. Женского педагогического института (1908); преподаватель истории в гимназии при институте, после революции – в средних школах Петрограда; с 1920 г. библиотекарь Государственного Гидрологического института (СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, № 254 (анкета КУИНС)).

1921–1922 г. Петроград

Многоуважаемый Эрнест Львович,

спасибо Вам за милый подарок. Не написала Вам сразу, т<ак> к<ак> хотела сначала прочесть Вашу книжечку,¹ и действительно, она мне очень понравилась и очень мне полезна. Я забыла Вам сказать, что за последнее время часто училась у Вас по энциклопедическому словарю, где читала Ваши статьи по древней главным образом философии. И они мне всякий раз больше давали, чем статьи С. Трубецкого и даже Соловьева.

Гольбаха мне еще приходится отложить, т<ак> к<ак> Водовозова не готова со своей частью. Т<ак> к<ак> она, по-видимому, будет возиться до второго пришествия, то я уговорила ее отдать мне то, что она еще не сделала. Т<ак> что 2–3 недели еще придется провозиться.

Мне что-то не везет последнее время, Эрнест Львович! За что ни возьмусь – не выходит, денег никто не платит, предприятия не удаются, друзья умирают, а кто остается, тот разлюбивает. Да и сама-то я что-то любить себя перестала.

Спасибо же Вам еще раз.

Ваша К. Милорадович.

Екатерине Дмитриевне передам, как только увижу ее.

¹ Вероятно: *Радлов Э. Л. Этика*. Пг., 1921 (Введение в науку: Философия; Вып. VIII).

Конец января—начало февраля 1922 г. Петроград

Многоуважаемый и дорогой Эрнест Львович,
 посылаю Вам свой доклад – напечатайте, когда можно будет.¹
 Хочу еще раз сказать Вам: простите мне мою вспышку. Философское общество, конечно, не виновато, при Введенском оно было еще гораздо мертвее.² Ведь до пафоса люди подымаются вообще только минутами, и это естественно. И Болдырев³ хороший – он мне просто не в добрый час под руку попался. А от Вас я столько в жизни получила доброго, что и подумать, конечно, не могла ничего дурного про Вас. А если что бывает больно иногда, так это то, что пассивный Вы очень и равнодушный – как чужие.

Вся моя беда в том, что у меня есть моя истина, которая ростом гораздо больше меня самой. Я знаю, что если бы когда-нибудь мне удалось сказать ее во всей полноте, то это было бы что-то очень важное и значительное. Но я никогда этого не сумею. Мне трудно работать – особенно трудно с тех пор, как умерли все, кто знал, что на самом деле мне есть что сказать, и готовы были всячески помочь мне в этом. А когда у меня назревают мысли и статьи – их часто некому бывает сказать – робость мешает настаивать, чтобы меня слушали, и они умирают невысказанными. Это такая нестерпимая тоска, что у меня часто последнее время бывает искушение бросить философию. Вот в таком настроении я пришла тогда к Вам! А Вы меня стали бранить, потому что Вам тоже тяжело. Сказала я пока только первое положение, которое по существу вполне совпадает с Вашим: «вера есть полагание объекта». Это верно, но это только исходный пункт. Для того чтобы это было полно смысла, надо показать: как можно строить метафизику при помощи веры, <так> что знание тут будет играть служебную роль. Я буду мучиться, пока я этого не скажу, плохо ли, хорошо ли. Если бы я могла найти в мире очень даровитого человека, который взялся бы сказать мои мысли лучше меня, – я бы умолкла навеки и была бы счастлива. Есть такие счастливые философы, которые везде находят свое собственное изображение – как поется в армянской песенке:

На вокзале есть буфет,
 На буфете есть конфет,
 На конфете есть портрет –
 Это верно Карапет.

Я так не могу. Вы скептик, Эрнест Львович. У Вас есть мысли – тонкие и глубокие (очаровательная ясность мысли),⁴ и у Вас нет никакой потребности построить из них свой мир. Учиться у Вас очень можно, и есть чему, и я это постоянно делаю, и то, что меня Лапшин не любит, меня очень мало огорчает, потому что я сама его весьма мало люблю. Конечно, его учеником быть гораздо выгоднее, чем Вашим, потому что он умеет отстоять и настоять, а Вы нет. Но это потому, что он нахал, а Вы нет, и я за это Вас только больше люблю. Вы никогда не напишете такой постыдно гадкой книги, как его последняя, с ученым видом знатока.⁵ Карсавин – талантливый человек, но ведь он легкомысленная бабочка без всякой глубины. Его моя мама все по ошибке зовёт Кшесинским, и ему действительно никогда не уйти от балетных ассоциаций.⁶ Настоящий философ по характеру – Лосский. В нём чувствуется настоящее служение – только философия-то его меня несколько не удовлетворяет.⁷ А уважение у меня к нему большое. Введенский умен и (по-моему) стоит на правильной почве; но ведь он дальше первого шага не пошел. Я не понимаю, что за охота всю жизнь твердить только то, что Кант был прав; ведь это верно не само по себе, а для чего-нибудь. Что такое Болдырев как духовно-умственная величина, я плохо отдаю себе отчет. То, что он Когенианец, этого ведь недостаточно. Но я чувствую, что он мне глубоко чужой человек. Ведь философия есть вещь ужасно нескромная: настоящий философ должен вложить в свою философию не только свое умственное построение, а себя самого со своею сущью. Согласиться с чьей-нибудь философией – это значит полюбить этого человека изо всех сил. А сейчас душа очень устала от того, что вокруг все живет только поверхностью души. Чувствуешь настоящий голод духовный, ходишь и плачешь иной раз совсем не вовремя.

Простите, что я столько чепухи Вам написала, Эрнест Львович. Это оттого, что я редко разговариваю.

Преданная Вам
К. Милорадович.

Все это было написано несколько дней назад – мож<ет> б<ыть>, и не стоило бы этого посылать. Эти дни была под впечатлением книжки «Смена Вех»,⁸ кот<орая> мне попалась, и забыла все остальное. С такими нервами нельзя ни жить, ни работать.

¹ Имеется в виду статья К. М. Милорадович «Роль метафизики в философии», основанная на прочитанном ею 22 янв. 1922 г. в заседании ПФО докладе «Следует ли стремиться к метафизическому знанию».

² Об отношении К. М. Милорадович к ПФО, выраженном, в частности, в подготовленном ею историческом очерке (*Милорадович К. М.* ПФО), см. во вступ. статье.

³ *Болдырев Николай Васильевич* (1882–1929) – юрист, публицист, философ; приват-доцент СПб. университета (энциклопедия права, история философии права), первый декан юридического факультета Саратовского университета (с 1 июня до конца 1917 г.); член ПФО; автор трудов «Смысл истории и прогресс» (1922), «Правда большевистской России. Голос из гроба» (1928) – оба опубликованы только в 2001 г. Ср.: «...методами мышления, внесенными в философию Когеном, методами, чрезвычайно талантливо применяемыми Н. В. Болдыревым, который после возобновления заседаний Общества показал себя серьезным и зрелым мыслителем, очень ценным не только в качестве докладчика, но и в качестве оппонента. Его деятельность и постоянное участие вносит в собрания всегда свежую и продуманную мысль» (*Милорадович К. М.* ПФО. Л. 12–13).

⁴ Взятые в скобки слова в тексте вынесены как подстрочное примечание.

⁵ Вероятно, речь идет о книге «Философия изобретения и изобретение в философии» (Пг., 1922); кроме того, в 1922 г. вышло еще 4 книги Лапшина: «Художественное творчество», «Философские взгляды А. Н. Радищева», «Заветные думы Скрябина» и «Римский-Корсаков». Последние слова – цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: «Онегин был по мнению многих / (Судей решительных и строгих) / Ученый малый, но педант: / Имел он счастливый талант / Без принуждения в разговоре / Коснуться до всего слегка, / С ученым видом знатока / Хранить молчанье в важном споре / И возбуждать улыбку дам / Огнем неожиданных эпиграмм» (I, V, 5–14).

⁶ *Карсавин Лев Платонович* (1882–1952) – историк, философ, поэт; сын артиста балета, брат известной балерины Тамары Карсавиной; преподавал в СПб. университете (с 1916 г. проф.), ВЖК и др. учебных заведениях, член ПФО; выслан из России в 1922 г., с 1927 г. проф. университета в Каунасе, с 1940 г. в Вильнюсе; в 1950 г. приговорен к 10 годам ИТЛ, умер в заключении. Ср.: «Еще труднее отнести <к «классикам» или «новаторам»> <...> Л. П. Карсавина, черпающего свои вдохновения у Платона и у Плотина, у Николая Кузанского и вообще мистиков всех веков и народов. Мистическая философия всегда отличалась глубиной и некоторой темнотой, благодаря которым она усваивается с большим трудом. Но Л. П. Карсавин обладает способностью придавать своему изложению форму необычайной легкости и блеска, и его парадоксальные доклады [всегда] обыкновенно вызывают особое оживление, [прежде всего ослепляют, и обыкновенно только после того, как они бывают напечатанными, удается отдать себе отчет в их содержании] [своим впечатлении]» (*Милорадович К. М.* ПФО. Л. 14).

⁷ *Лосский Николай Онуфриевич* (1870–1965) – философ; проф. ВЖК (с 1907 г.) и СПб. университета (с 1916 г.), член ПФО, соредaktor (вместе с Э. Л. Радловым) сб. «Новые идеи в философии», журн. «Мысль» и пр.; выслан из России в 1922 г. Ср.: «Доклады Н. О. Лосского, по какому бы поводу они ни делались, имеют своего главною целью обосновать развиваемое им учение “интуитивизма”», и далее: «Н. О. Лосский, вносящий в свою философскую деятельность атмосферу незаинтересованного служения истине, всегда чуждую каких бы то ни было личных и самолюбивых сообщений...» (*Милорадович К. М.* ПФО. Л. 8, 14).

⁸ Смена вех: Июль 1921 г.: Сб. статей Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Прага, <1921>. В 1922 г. в Берлине вышло 2-е изд.; кроме того, сборник был дважды перепечатан в России (в Твери и Смоленске).

2 апреля 1925 г. Ленинград¹

1925 2/IV

Дорогой Эрнест Львович,

Ольга Александровна² передала мне Ваше извинение. Так как Введенский был связан только с моею головою, а Вы, кроме того, связаны с сердцем, и <так> к <ак> сердце важнее головы, то я охотно прощаю Вас и утверждаю приговор судьбы. Вообще, в мире плохо только то, что в нем приходится работать – особенно когда живешь в царстве трудящихся! Это мешает жить и умом и сердцем, они у меня скоро атрофируются. Шлю Вам привет от остатка моего остывающего сердца и остаюсь Ваша

К. Милорадович.

Только что прочла в «Красной Нови» Горького об Анне Шмит – интересно.³

¹ Почтовая карточка. Датируется по штемпелю и авторской помете.

² О. А. Водовозова. А. И. Введенский, ее отец, умер 7 марта 1925 г.

³ Шмит Анна Николаевна (1851–1905) – нижегородская журналистка, философ-самоучка, мистик. Ее философские труды были опубликованы посмертно при содействии С. Н. Булгакова: Из рукописей Анны Николаевны Шмит. О будущности. Третий завет. Из дневника. Письма и пр. С письмами к ней Вл. Соловьева. М.: тип. «Рус. печать» Б. В. Назаревского, 1916; в рецензии на это изд. Н. А. Бердяев писал: «Это – первая мистическая книга в России в строгом смысле этого слова, мистическая книга большого стиля, подобная творениям Бёме, Сведенборга, Сен-Мартена и других классиков мистики. Со временем Шмит будет причислена к классикам мистической литературы» (Бердяев Н. А. Повесть о небесном роде: [Из рукописей А. Н. Шмит] // Русская мысль. 1916. № 3. Разд. 3. С. 6). Очерк Максима Горького «А. Н. Шмит» впервые был опубликован в изд.: Горький М. Заметки из дневника; Воспоминания. Berlin, 1924; перепечатан: Красная новь. 1925. № 4 (21). Июнь–июль. С. 16–25.

Приложение

Письма Н. А. Милорадович к Э. Л. Радлову (1909–1910 гг.)

Вместе с письмами К. М. Милорадович хранятся и два письма ее матери, Надежды Александровны Милорадович, к Э. Л. Радлову. Оба письма были написаны предположительно в 1910–1911 гг. и связаны

с попыткой Н. А. Милорадович получить место в учебных заведениях Министерства народного просвещения. Радлов, как член Ученого комитета министерства и редактор ЖМНП, а также благодаря своим обширным научным, общественным и личным связям, обладал значительным влиянием, и с просьбами подобного рода к нему обращались постоянно, однако он своим влиянием не злоупотреблял, соизмеряя свое содействие с реальными возможностями и способностями протеже. Н. А. Милорадович, не имевшая ни педагогического, ни какого иного служебного опыта, очевидно не соответствовала желаемой должности начальницы гимназии, и помощь Радлова (если она была в какой бы то ни было форме оказана) не привела ни к каким результатам. Н. А. Милорадович нигде не служила, не позже 1913 г. она окончательно поселилась с дочерью; в 1920-е и 1930-е гг. вместе с дочерью была в ссылке; о ее судьбе после 1936 г. ничего не известно.

Письма Н. А. Милорадович хранятся вместе с письмами ее дочери в фонде Э. Л. Радлова (РО ИРЛИ, ф. 252, оп. 2, № 1028, л. 79–80 и 38–39).

1

1909–1910 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Эрнест Львович,

я узнала, что недавно освободилось место начальницы Григоровской женской гимназии¹ М. Н. Пр. – в городе Костроме. Я слышала, что Вы знакомы с г-м Попечителем Московского Учебного Округа², в ведении которого находится эта гимназия, и потому решаюсь обратиться к Вам с просьбой рекомендовать меня на это место. Хотя я и не обладаю педагогическим опытом, но всегда близко стояла к делу воспитания юношества, живо им интересовалась, и теперь, овдовев, хотела бы посвятить ему мои силы, тем более что и с матерьяльной стороны – это для меня весьма существенно. Чрезвычайно хотелось бы мне именно в Костроме, но если это место кому-либо уже обещано – не откажите мне в Вашей помощи отыскать мне что-либо другое.

Прошу извинить меня, что обращаюсь с просьбой и беспokoю Вас.

Искренно уважающая Вас

Н. Милорадович.

¹ В 1857 г. в Костроме основано училище для девочек на средства действительного тайного советника А. Н. Григорова; после его смерти (в 1870 г.) училище было

преобразовано в Григоровскую женскую гимназию, считающуюся одной из первых в России; в 1907 г. в ней обучалось более 700 учениц. В 1908 г. начальницей гимназии была Елизавета Михайловна Ратькова (Костромской календарь на 1908 г. Кострома, 1908. С. 48); в 1910 г. должность показана как вакантная (Справочная книжка Костромской губ. и Календарь на 1910 г. Кострома, 1910. С. 65).

² В 1907–1910 гг. попечителем Московского учебного округа был Александр Маркеллович Жданов (1858–1914) – астроном, проф. СПб. университета и ВЖК, ректор университета в 1903–1905 г.

2

12 апреля 1909 или 1910 г. С.-Петербург

12-е апреля

Глубокоуважаемый Эрнест Львович,

простите великодушно, что собираюсь эксплуатировать Вашу бесконечную доброту и обращаюсь с личной просьбой. Прилагая по Вашему указанию официальное письмо, в настоящем – хочу изложить Вам некоторые данные, на основании которых решила хлопотать. Для гимназий <Ведомства> учр<еждений> Императрицы Марии – эти данные играют роль, а в министерских – не знаю. Прежде всего, я имею диплом об окончании института и состою крестницей государя Александра II-го. Отец мой, военный генерал, которого лично знал Государь Александр II-й, а также и старый принц Петр Георгиевич Ольденбургский, – выйдя в отставку, служил по учреждениям Императрицы Марии. В 1878 г. я, тогда еще 16-тилетней девочкой, только что окончив институт, возгорелась желанием сделаться сестрой милосердия и после большой борьбы и затруднений добилась этого и так отличилась, что получила рескрипт и крест от Императрицы Марии Федоровны.¹ Затрудняюсь перечислять заслуги Милорадовичей (со стороны мужа). Отец мужа был убит в ту же турецкую кампанию.....

Если то небольшое, что я сумела перечислить, может прибавить кое-что к моему горячему желанию заняться этим делом – я буду очень счастлива. Вам, многоуважаемый Эрнест Львович, человеку, так много сделавшему моей дочери, к которому сердце матери переполнено чувством благодарности – я хочу откровенно сказать, как тяжело мне то безделье, на которое я обречена в силу обстоятельств, и как сильно это отражается на моем здоровье. Конечно, мне тяжело

жить вдали от дочери, но в Петербурге я ничего не могла добиться, а перейти, говорят, легче, чем прямо получить. В Костроме у нас родные, и мне бы очень хотелось. Между прочим, Мусин-Пушкин,² состоя попечителем Киевского Округа, – много лет жил в доме моей родной сестры Купчинской – в Киеве.

Позвольте сердечно позжать Вашу руку и так же сердечно поблагодарить за все то доброе, что видела от Вас моя дочь.

Искренно преданная

Н. Милорадович.

¹ *Мария Федоровна* (Мария-София-Фредерика-Дагмара; 1847–1928) – супруга (с 1866 г.) вел. кн. Александра Александровича, будущего имп. Александра III; во время Русско-турецкой войны активно участвовала в деятельности Красного Креста.

² *Мусин-Пушкин Александр Алексеевич*, граф (1855–1918) – в 1890–1899 гг. помощник попечителя Киевского учебного округа.